

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. п.

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВЪ. ХМЕЛЬ.

ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. БУРЖУАЗІЯ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. «МЫ, ВОЕННЫЕ».

ПРОФ. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. ЛЮБОВЬ И
НЕНАВИСТЬ ВЪ СОЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

А. ПОЙМИНОВЪ. ПАТРИСТИЗМЪ ФРАНЦУЗ-
СКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ.

ПРОФ. М. И. ФРИДМАНЪ. СУЩНОСТЬ ФИ-
НАНСОВАГО ВОПРОСА.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢ-
НІЕ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. НАСТУПЛЕНИЕ.

Н. Н. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

НАРОДОПРАВЕЦЪ. СРЕДИ КНИГЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

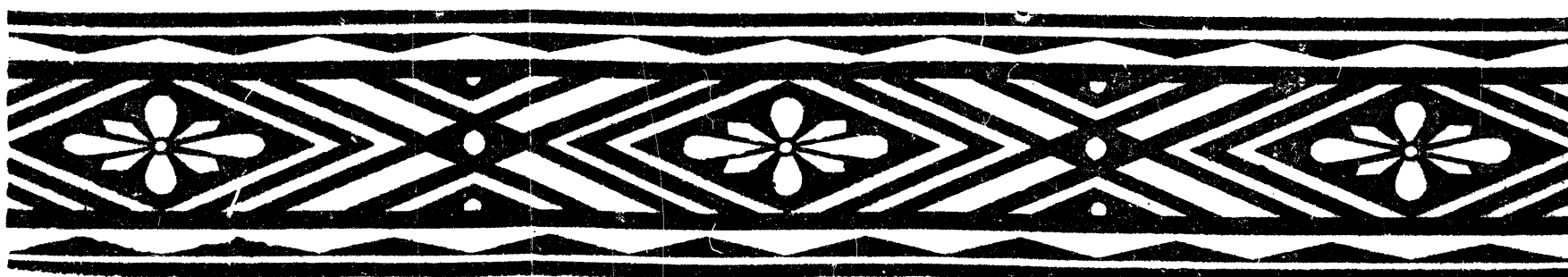
НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ—ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНЪЕ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ УСТУПКА 50%. —

Адресъ конторы:

Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка),
кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ.

I.

Русскій народъ вышелъ изъ подневольнаго состоянія, изъ долгаго историческаго рабства и переходитъ къ жизни вольной, къ народовластію и народоправству. Велико было долготерпѣніе русскаго народа и оно внушало иностранцамъ мысль, что русскій народъ—рабъ въ душѣ. И вотъ теперь русскій народъ долженъ показать всему міру, что онъ поистинѣ свободный народъ. Послѣ происшедшаго великаго переворота русскій человѣкъ долженъ самъ собой управлять. Источникъ власти, поддерживающій государственный порядокъ и побѣждающій всякую анархію, уже въ немъ самомъ, а не внѣ его, не надъ нимъ. Свободный человѣкъ тѣмъ и отличается отъ раба, что онъ умѣетъ собой управлять, въ то время какъ рабъ умѣетъ лишь покоряться или бунтовать. Бунтъ есть лишь обратная сторона рабства. Свободный можетъ сдѣлать революцію, но не можетъ бунтовать, ибо свободный только на себя возлагаетъ отвѣтственность за судьбу своего государства и своего отечества. И только тѣ, которые остаются рабами въ душѣ, могутъ относиться къ своему государству и своему отечеству, какъ къ чужому, навязанному имъ, враждебному. Народъ достоинъ гражданской зрѣлости, когда онъ научается управлять собой. Свобода и есть прежде всего способность къ самоуправленію. Управлять другими, управлять цѣлой страной могутъ лишь тѣ, которые научились управлять собой, своими мыслями и чувствами, своей собственной стихіей. Лишь тѣ могутъ установить порядокъ въ странѣ, которые установили порядокъ внутри себя, привели въ порядокъ собственную волю и направили ее къ высшей цѣли. Но цѣлью, во имя которой русскій человѣкъ долженъ научиться управлять собой и управлять другими, не можетъ быть корыстный интересъ отдѣльныхъ людей или классовъ. Такой цѣлью можетъ быть лишь благо цѣлаго, благо Россіи, благо всего народа, подъемъ народа до болѣе высокой жизни въ правдѣ и истинѣ. Свобода не означаетъ произвола не означаетъ, что каждый можетъ дѣлать, что ему въ голову взбредетъ,—свобода предполагаетъ уваженіе ко всякой человѣческой личности, признаніе ея неотъемлемыхъ правъ, бережное отношеніе къ собственной и чужой человѣческой душѣ. Тѣ, у кого анархія внутри, анархія въ мысляхъ, волѣ и чувствахъ, ничего, кромѣ анархіи, не могутъ создать въ странѣ, въ государствѣ, въ жизни всего народа. Тогда часть возстаетъ на цѣлое, каждый стремится къ своимъ частнымъ, личнымъ и групповымъ интересамъ, не считаясь съ интересами Россіи, съ благомъ всего русскаго народа. Свобода невозможна безъ дисциплины, безъ самообузданія и самоограниченія, безъ подчиненія себя той истинѣ, которая и дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Въ Евангеліи сказано: «и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными». И цѣлый народъ дѣлается свободенъ лишь тогда, когда онъ познаетъ истину и служитъ ей.

Потеря всякой дисциплины въ народѣ, всякой способности къ самоуправленію и самоограниченію, къ подчиненію себя высшимъ цѣлямъ, превращаетъ народъ въ стадо дикихъ звѣрей и возвращаетъ его къ рабству первобытныхъ временъ. Неумѣніе управлять собой, ограничивать свои интересы и подчинять ихъ

цѣлому есть знакъ рабскаго состоянія и ведетъ къ раздѣленію Россіи, къ превращенію ея въ безформенную кучу разсыпающагося песка. Каждый тащитъ себѣ то, что ему нужно, и отъ этого расхищенія перестаетъ существовать русскій народъ, какъ великое цѣлое. Свободный никого не насилуетъ, ни у кого ничего не похищаетъ, онъ всѣмъ даруетъ свободу, всѣмъ обезпечиваетъ ихъ права. Кто совершаетъ насилія, тотъ еще рабъ. Народъ можетъ осуществлять свои цѣли, реализовать всѣ свои силы лишь въ государствѣ; незащищенный собственнымъ государствомъ онъ попадаетъ въ рабство къ другимъ народамъ. Но государство не можетъ быть сыпучимъ пескомъ, оно должно быть кристалломъ, имѣющимъ строгія очертанія и границы. Созданіе, охраненіе и развитіе государства требуетъ отъ народа закала характера твердости народной воли. Безхарактерность народа подвергаетъ опасности существованіе его государства и грозитъ народу рабствомъ. Русскій народъ вступаетъ въ новый періодъ своего историческаго существованія, онъ переходитъ къ формѣ государственности, именуемой демократіей. Демократія же основана на самоуправленіи народа, на высокихъ качествахъ народнаго характера. Народъ, въ которомъ обнаружится рабскій духъ, который не захочетъ управлять собой и будетъ склоненъ къ насиліямъ, такой народъ не способенъ къ демократіи, не созрѣлъ до нея. Еще Монтескье училъ, что демократія основана на доблести, на любви къ общему дѣлу. Если этой доблести нѣтъ въ душѣ народа, если нѣтъ любви къ общему дѣлу, то демократія вырождается въ деспотію. И русскій народъ нынѣ держитъ экзаменъ на демократію, исторія испытываетъ его «доблестъ», его гражданскую зрѣлость.

II

Что такое русскій народъ, что такое народъ? Народъ не есть какой-нибудь классъ, какая-нибудь социальная группа, не есть крестьянство или рабочій классъ. Въ народъ входятъ всѣ русскіе люди, всѣ классы и группы. Народъ есть великое цѣлое, существующее тысячелѣтіе въ исторіи, въ немъ соединяется далекое историческое прошлое съ далекимъ историческимъ будущимъ. Нельзя произвольно называть народомъ то, что мнѣ захочется въ сегодняшній день исторіи, и поставить опредѣленіе народа въ зависимость отъ классовой борьбы этого сегодняшняго дня, отъ того соотношенія социальныхъ классовъ, которое существуетъ въ настоящемъ. Народъ глубже того, что происходитъ сегодня, глубже всѣхъ переходящихъ классовъ съ ихъ противоположными интересами. И для того, чтобы узнать лицо русскаго народа и судьбу этого народа въ исторіи, нужно присмотрѣться не къ крестьянину и помѣщику, не къ рабочему и промышленнику, не къ купцу и интеллигенту, а къ скрытому въ нихъ русскому человѣку, къ душѣ его, которая глубже всѣхъ этихъ внѣшнихъ социальныхъ оболочекъ. Эта душа русскаго человѣка, душа цѣлаго народа нашла себѣ выраженіе въ великой русской литературѣ, у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевскаго. И ни одинъ русскій человѣкъ, къ какому бы классу онъ не принадлежалъ, не можетъ быть исключенъ изъ русскаго народа. Дворянинъ, буржуа и интеллигентъ такъ же принадлежатъ къ русскому народу, составляетъ такую же неотъемлемую его часть, какъ и крестьянинъ, и

рабочій. Существуетъ русскій народъ, существуетъ Россія, а не только классъ рабочихъ или промышленниковъ, крестьянъ или помѣщиковъ. Существуютъ интересы всей Россіи, всего русскаго государства, интересы великаго цѣлаго, а не только интересы отдѣльных классовъ и отдѣльных людей. И еще нужно помнить, что само существованіе и благополучіе каждаго русскаго человѣка и каждаго класса зависятъ отъ существованія и благополучія всей Россіи, отъ ея силы и величія. Россія—мать, питающая своихъ сыновъ. Русскіе рабочіе и крестьяне могутъ вести лишь національное существованіе, въ материнскомъ лонѣ. Если бы было уничтожено русское государство и ослаблена русская промышленность, то уничтожены и ослаблены были бы всѣ русскіе, всѣ классы, всѣ крестьяне и рабочіе. Ни одинъ русскій гражданинъ не можетъ поставить своего существованія внѣ Россіи,—онъ можетъ существовать лишь въ ней и черезъ нее. Только рабъ способенъ легко отречься отъ своей родины и предать ее.

Русскій народъ—единый великій народъ, а не механическая смѣсь разрозненныхъ частей, преслѣдующихъ лишь свои интересы. Русскій народъ имѣетъ свое лицо въ мірѣ, не похожее ни на одинъ народъ, свою исторію, свое великое прошлое и великое будущее, имѣетъ задачи выпавшія на его долю. И русскій народъ долженъ отстаивать себя, какъ цѣлое, защищать свое мѣсто въ мірѣ, свое дѣло въ мірѣ. У всякаго здороваго, жизнеспособнаго, свободнаго народа это чувство сильнѣе, чѣмъ классовый интересъ, чѣмъ классовая рознь. Это великое чувство національнаго единства и національнаго призванія есть у французовъ, у англичанъ, у нѣмцевъ. Если бы оно совсѣмъ исчезло у русскихъ, то Россія перестала бы существовать и русскій народъ разсыпался бы, какъ пыль. Сейчасъ происходитъ въ Россіи болѣзненный и мучительный переходъ къ новому національному сознанию и новому свободному патриотизму. Старое умерло, новое же еще не родилось. Революцію совершилъ весь русскій народъ, какъ великое цѣлое, а не тотъ или иной классъ, совершилъ изъ чувства самосохраненія и изъ порыва къ новой, свободной жизни. И переходъ къ демократіи есть переходъ къ самоуправленію цѣлаго народа, независимо отъ принадлежности къ тому или иному классу. Демократія есть гражданская и политическая зрѣлость цѣлаго народа. Демократію нельзя противопоставлять буржуазіи, какъ это у насъ теперь дѣлаютъ по невѣжеству. Демократія означаетъ верховную власть всего народа и въ нее входитъ каждый русскій гражданинъ, права котораго должны быть обезпечены въ равной степени съ правомъ всѣхъ остальныхъ гражданъ. Демократію нельзя понимать, какъ господство рабочаго класса или крестьянства. Диктатура пролетаріата была бы насиліемъ меньшинства надъ большинствомъ и она по существу враждебна демократіи, антидемократична, она посягаетъ на суверенитетъ народа, устраиваетъ противъ него заговоръ. Свободный народъ не можетъ потерпѣть диктатуры какого-нибудь класса.

III.

Переходъ цѣлаго народа, такъ долго жившаго въ рабствѣ, къ демократической формѣ государственности прежде всего ставитъ задачу воспитанія народа, роста сознанія, просвѣщенія и культуры въ массѣ

народной, духовнаго возрожденія тѣхъ, человѣческихъ душъ, изъ которыхъ состоитъ народъ. Если народъ въ массѣ своей состоитъ изъ рабскихъ душъ, полныхъ рабскихъ склонностей къ насилію, неуваженію къ человѣческому достоинству, къ свободѣ и правамъ личности, то онъ еще неподготовленъ и неспособенъ къ демократіи и ему грозитъ неизбежное возстановленіе деспотизма, возвращеніе къ какой-нибудь формѣ цезаризма. Насилія, совершаемая незрѣлой революціонной демократіей, всегда готовятъ тиранію. Насилующій будетъ изнасилованъ, это—законъ природы. Вотъ почему задача воспитанія и просвѣщенія массы русскаго народа есть основная задача, поставленная превращеніемъ Россіи въ демократическое государство. Демократія можетъ быть лишь особаго рода культурой человѣческаго духа или она будетъ худшимъ изъ рабствъ, худшей изъ деспотій. Лишь свободныя, управляющія собой души способны создать свободное демократическое государство.

Народъ тогда только достоинъ наименованія свободнаго народа и граждански зрѣлаго народа, когда онъ сознаетъ свое національное единство и цѣлость какъ внутри своего собственнаго государства, такъ и во внѣ, передъ другими народами и государствами. Когда народъ распадается на части внутри и не хочетъ защищать своей цѣлости и своего достоинства во внѣ, онъ возвращается къ рабскому состоянію, онъ не готовъ для свободы. Вотъ почему отношеніе къ единству государственной власти въ Россіи и къ войнѣ есть испытаніе зрѣлости русскаго народа для новой, свободной жизни. Русскій народъ въ нынѣшней грозной и отвѣтственной часъ своей исторіи долженъ сознать свое нравственное, государственное и культурное единство, свою нерушимую цѣлость передъ тѣми дробными частями, классами, областями и народностями, изъ которыхъ состоитъ русское государство, и передъ тѣми народами и государствами, изъ которыхъ состоитъ человѣчество. Этому сознанию цѣлости и единства должна быть подчинена социальная борьба классовъ. Народъ долженъ поскорѣе опредѣлить свое свободно-гражданское отношеніе къ единству своего государства и къ войнѣ. Время не терпитъ. Каждый день стихійнаго нарастанія анархіи и разложенія влечетъ Россію въ бездну и готовитъ ей рабство, рабство чужеземное и рабство у собственныхъ темныхъ силъ, которыя одинаково есть и съ крайней правой, и съ крайней лѣвой стороны. Между «черносотенниками» и «большевиками» нѣтъ существенной разницы: въ нихъ дѣйствуетъ одна и та же стихія насилія и порабощенія, одно и то же надругательство надъ достоинствомъ и правами человѣческой личности. Диктатура большевиковъ можетъ опираться лишь на тѣ же темные элементы народа, которые устраивали еврейскіе погромы и совершали грабежи и экспроприаціи. Это одна и та же черноокрасная, восточно-азиатская стихія мракобѣсія, остатокъ дикости и варварства въ русскомъ народѣ.

Постыдно думать, что русскій народъ лишь до тѣхъ поръ составлялъ единое и великое государство, пока онъ жилъ въ рабствѣ и принужденіи, и перешелъ къ анархіи и распаденію, когда сталъ свободнымъ. И еще постыднѣе думать, что русскій народъ лишь до тѣхъ поръ составлялъ доблестную армію и исполнялъ свой долгъ передъ родиной, пока его принуждали къ этому, какъ раба. Если бы оказалось, что для

русского народа возможны или рабская покорность и принуждение изъ подъ кнута или рабскій бунтъ и анархія, то народъ этотъ былъ бы обреченъ на гибель. Тогда народъ распадется и превратится въ безпорядочныя орды, которымъ вновь придется призывать варягъ. Произойдетъ возвращеніе къ истокамъ русской исторіи и вновь нужно будетъ собирать великую Россію. Слишкомъ многіе сейчасъ проповѣдуютъ это возвращеніе назадъ и съ легкостью отрицаютъ весь трудъ русской исторіи, всѣ жертвы, принесенныя народомъ для созданія единой, великой и сильной Россіи. Но я вѣрю, что русскій народъ, пережившій уже смутную эпоху, переживетъ и теперь соблазны и паденія и перейдетъ къ высшей, свободной жизни. Но нужно открыто говорить и кричать о томъ, что тѣ, которые сейчасъ толкаютъ народъ на путь анархіи и распаденія, толкаютъ его на путь рабства и униженія и убиваютъ душу народа. Всякій народъ живетъ въ исторіи и совершаетъ великія дѣла силой и цѣльностью своего духа. Когда духъ народа разлагается и угашается, народъ сходится съ исторической сцены, отодвигается на второй планъ и отцвѣтаетъ. Но русскому народу предстоитъ еще великая роль въ исторіи, онъ только теперь вступаетъ въ міровую жизнь и, вѣрю, онъ не погибнетъ.

Николай Бердяевъ.

ХМЕЛЬ.

Когда я вышелъ изъ тюрьмы, былъ яркій солнечный день. Я посмотрѣлъ на небо, совсѣмъ синее, и у меня закружилась голова. «Что такое?—думалъ я,—я, вѣдь, не пилъ вина, но почему это у меня кружится голова и я шатаюсь, какъ пьяный?»

Это было давно. Недавно я проходилъ мимо той тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ когда-то. Я все вспомнилъ. Вспомнилъ, что противъ моихъ оконъ былъ высокій заборъ, очень скучный, но когда я влѣзалъ на табуретъ, можно было видѣть садъ за этимъ заборомъ и высокій домъ. По саду ходили люди въ халатахъ, размахивали руками совсѣмъ нескладно, иные смѣялись невесело, иные смотрѣли въ одну точку угрюмо и пугливо. Это были сумасшедшіе.

Они наводили на меня тоску, но когда я слышалъ крики и смѣхъ за мрачнымъ заборомъ, забирался опять на табуретъ и смотрѣлъ на моихъ сосѣдей, какъ замороженный.

Если такъ побыть въ одиночкѣ нѣсколько мѣсяцевъ и видѣть каждый день сумасшедшихъ и ничего больше не видѣть, можно совсѣмъ потерять голову. И вдругъ—свобода.

— «Нѣтъ, это не вино, а свобода», думалъ я и улыбался всѣмъ прохожимъ, какъ роднымъ братьямъ.

На Поварской я встрѣтилъ одного журналиста, злѣйшаго моего врага, и я подошелъ къ нему первый и пожалъ ему руку и сказалъ ему какую-то добрую глупость. И журналистъ смущенно смотрѣлъ на меня, недоумѣвая.

А развѣ теперь весь русскій народъ не вышелъ изъ тюрьмы? Развѣ не новыми глазами взглянулъ онъ на дольний міръ и на высокое небо? Какъ же было ему не охмелѣть. Не то странно, что онъ, опьянѣвъ отъ

счастья, нескладно и буйно запѣлъ пѣсни, загулялъ и пошелъ брататься съ нѣмцами, а то и странно, и чудесно, и дивно, что онъ уже одолѣлъ свой хмель и чутко прислушивается къ мудрымъ и суровымъ, голосамъ, зовущимъ его на боевую страду.

Значитъ, празднику конецъ? И опять постъ? Что жъ. Будемъ поститься до новаго свѣтлаго дня.

Не мы первые дѣлали революцію. Почти триста лѣтъ тому назадъ казнили англичане своего Карла Перваго. Французы сдѣлали то же со своимъ Людовикомъ Шестнадцатымъ въ 1793 году. А сколько за эти столѣтія было еще потрясеній, переворотовъ и войнъ. Надо прикинуть къ исторіи, подышать этимъ воздухомъ революцій, почувствовать запахъ крови, которымъ пропитаны страницы лѣтописей и мемуаровъ—и только тогда поймешь, что русскій народъ не любитъ крови, не хочетъ безпорядка и стыдится буйства. Это звучитъ, какъ пародоксъ, для обывательскаго уха, напуганнаго маревомъ анархіи и криками демагоговъ.

Но развѣ народъ уже не пересталъ слушать непрошенныхъ совѣтчиковъ, котсыре зовутъ его изъ нашихъ окоповъ въ окопы нѣмецкіе пить нѣмецкое пиво? Развѣ въ отвѣтъ на гнусную провокацію германскихъ развѣдчиковъ не раздаются призывы къ подвигамъ великимъ?

Не торопитесь хоронить Россію. Она еще жива, и наши земляки знаютъ крѣпко, что измѣна—позоръ, позоръ на вѣкъ.

Май 1917 г.

Георгій Чулковъ.

БУРЖУАЗІЯ.

Есть одна сила въ человѣческой исторіи, вліяніе которой часто не оцѣнивается: имя ей миѣ. Исторія человѣческая въ значительной степени есть продуктъ миѣотворчества, вѣры въ вымышленныя формулы, въ созданія человѣческаго воображенія. Трагедія исторіи заключается въ томъ, что вымышленное людьми можетъ не совпадать съ ихъ реальными интересами и потребностями. Это и есть моментъ великихъ разочарованій. И наша исторія была полна миѣами, и наша революція одержима ими. Едва ли не самымъ распространеннымъ изъ нихъ является миѣ о нашей «буржуазіи».

* * *

Что такое «буржуазія»? Студентъ на уличномъ митингѣ опредѣлилъ такъ: «вообще торговцы и ихъ прислужники». Болѣе разумный гимназистъ поправилъ его: «буржуи всѣ тѣ, кто живетъ не трудовымъ доходомъ». Всѣ эти ходячія опредѣленія грѣшатъ тѣмъ, что безконечно расширяютъ понятіе, обезличивая его и дѣлая почти-что безсодержательнымъ. Съ этой точки зрѣнія буржуазіей являются вообще экономически преобладающіе и правящіе классы. Римскій патрицій и всадникъ, средне-вѣковой феодалъ, русскій бояринъ, представитель торговаго капитала, современный землевладѣлецъ и даже чиновникъ—всѣ сваливаются въ одну кучу подъ именемъ «буржуазіи». Между тѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совершенно различными социальными образованиями,

съ продуктами различных хозяйственных эпохъ, иногда съ прямо враждебными группами. «Буржуазія» въ точномъ историческомъ, а не въ площадномъ смыслѣ этого слова есть гораздо болѣе узкое явленіе, есть социальный продуктъ новѣйшей европейской исторіи, имѣющей свое индивидуальное ему только свойственное лицо. Марксъ предостерегалъ отъ созданія такихъ научныхъ понятій, которыя исходятъ изъ производственнаго процесса вообще, игнорируютъ историческія различія и являются малопоучительными отвлеченіями. Хотя всѣ славянскіе языки произошли отъ общаго корня, однако изучающій русскій языкъ долженъ изучить не этотъ общій корень, а особое лицо языка русскаго. Такъ и съ буржуазіей, кто хочетъ понять ее, тотъ долженъ исходить не изъ сходства съ другими владѣльческими классами, а изъ ея особенностей, какъ социальнаго класса. Такимъ путемъ Марксъ идетъ въ своемъ Коммунистическомъ Манифестѣ. Буржуазія нашего времени является продуктомъ долгаго процесса развитія. Она прошла черезъ стадію феодальнаго угнетенія, черезъ процессъ образованія самоуправляющихся городскихъ общинъ въ средніе вѣка, черезъ эпоху борьбы съ дворянствомъ и поддержки абсолютныхъ монархій въ XVII—XVIII вѣкахъ, чтобы съ возникновеніемъ крупной промышленности стать господствующимъ классомъ и единственной представительницей власти. «Повсюду, гдѣ она добилась господства, буржуазія разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя и идиллическія отношенія»... «На мѣсто безчисленныхъ жалованныхъ и благопріобрѣтенныхъ вольностей она поставила беззастѣнчивую свободу торговли»... «Она впервые показала, что можетъ совершать человѣческая дѣятельность. Ею созданы чудеса искусства совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ египетскія пирамиды»... «ею совершены походы иного рода, чѣмъ тѣ, что были совершены во время переселенія народовъ и крестовыхъ походовъ»... «Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства»... «Буржуазія придала космополитическую форму производству»... «къ великому отчаянію реакціонеровъ, она лишила промышленность ея національной основы»... «Дешевыя цѣны товаровъ являются той тяжелой артиллеріей, съ помощью которой она пробиваетъ бреши во всѣхъ китайскихъ стѣнахъ»...

Однимъ словомъ, когда Марксъ говоритъ о «буржуазіи» онъ не разумѣетъ владѣльческихъ классовъ вообще, онъ не разумѣетъ даже торгово-промышленнаго сословія, онъ разумѣетъ то особое положеніе, которое пріобрѣло это сословіе на Западѣ, съ конца XVIII вѣка, въ эпоху расцвѣта товарнаго хозяйства, на вершинѣ этого расцвѣта, въ его блестящій міровой періодъ. Лицо «буржуазіи» открылось именно здѣсь и, открывшись, оно наложило свою печать на общество, государство и исторію.

* * *

Что владѣльческіе классы существовали у насъ въ Россіи, что сотни лѣтъ существовало у насъ денежно-торговый и даже промышленный капиталъ—доказывать все это совершенно излишне. Но существовала ли у насъ когда-нибудь «буржуазія», въ марксовскомъ, западно-европейскомъ смыслѣ этого слова? Попробуйте примѣнить любую изъ характеристикъ Маркса къ нашему торгово-промышленному сословию, и вы увидите, что вамъ приходится чинить настоящій

поклепъ на нашу буржуазію,—поклепъ, который можетъ быть принятъ просто за издѣвательство. Торгово-промышленное сословіе наше прошло черезъ совершенно особую исторію, не самоуправлялось въ городахъ, не служило оплотомъ монархіи, не добилось политическаго господства въ демократіи, не только не разрушило патріархальныхъ отношеній, но, если не брать верховъ его, до сихъ поръ еще живетъ въ патріархальной стадіи, изображенной Островскимъ; торгово-промышленное сословіе наше вѣчно боялось «аршавскаго» сапога, конкурирующаго съ нашимъ русскійскимъ, жило за китайской стѣной высокихъ таможенныхъ пошлинъ, боялось свободной торговли, не слишкомъ старалось обнаружить интенсивный размахъ человѣческой дѣятельности, не создало ни египетскихъ пирамидъ, ни какихъ другихъ чудесъ искусства, не совершало никакихъ особыхъ походовъ, ибо, по одному удачному выраженію, завоевывать чужеземные рынки при нашихъ прибыляхъ ей было «не за чѣмъ», произвело весьма мало переворотовъ въ промышленности, слѣдуя здѣсь за образцами западными, не отличалось особымъ космополитизмомъ, если только дѣло шло о фабрикатахъ, а, напротивъ, въ созданіи ихъ было весьма «национальнымъ» и, наконецъ, менѣе всего пробивало китайскія стѣны дешевизной товаровъ.

Менѣе всего говорится это кому-нибудь въ упрекъ. Просто у насъ не было «буржуазіи» высокаго стиля, какъ не было подземныхъ желѣзныхъ дорогъ, романской готики, лондонскихъ тумановъ и т. п.

* * *

Случаются въ исторіи подлинныя анекдоты—и къ такому принадлежитъ повѣсть о томъ, какъ открыта была у насъ «буржуазія» западно-европейскаго стиля. До конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія каждый приличный интеллигентъ призванъ былъ думать, что наше торгово-промышленное сословіе есть продуктъ нѣкотораго историческаго недоразумѣнія. Нормальный ходъ русской исторіи долженъ былъ вывести Россію на путь общиннаго и артельнаго социализма, при чемъ самъ собой отпалъ бы болѣзненный наростъ нашего «ростовщичества-кулачества». Особо оригинально, что самъ торгово-промышленный классъ совершенно не заботился о созданіи своей идеологіи. Верхи его, его аристократія, примыкали къ русской интеллигенціи, низы пребывали въ состояніи быта поистинѣ патріархальнаго. Съ конца 90-хъ годовъ положеніе дѣлъ у насъ измѣнилось. Все усложняющееся общественное развитіе привело къ крушенію романтическаго миѳотворчества 70-хъ годовъ. Миѳъ объ особыхъ судьбахъ Россіи съ каждымъ годомъ обнаруживалъ свое безсиліе, община разлагалась, артели падали, царство социализма не приближалось. Русская интеллигенція должна была, наконецъ, освободиться отъ своей романтики. Освобожденіе это совершилось... но путемъ созданія новаго миѳа, едва ли не менѣе вреднаго, чѣмъ старый. Изъ Германіи привезенъ былъ къ намъ марксизмъ. Для марксистовъ нужно было, чтобы въ Россіи оказалась «буржуазія», иначе законы исторіи оказались бы невѣрными. И вотъ въ концѣ 90-хъ годовъ декларируется у насъ существованіе буржуазіи, какъ класса, наличность «буржуазной» культуры. Анекдотичность положенія заключается въ томъ, что декларацию издають не сами промышленники и не ихъ идеологи. Не думайте, что

приходить русскій Рикардо, облакающей буржуазную практику въ формы научной мудрости; что появляется аббать Сіейсь въ торжественной формѣ провозглашающей политическія права буржуазіи. Декларацию буржуазіи издають наши интеллигенты социалистическаго строя мыслей. Да простятъ мнѣ П. Б. Струве и Г. В. Плехановъ, но тотъ способъ, при помощи котораго они провозгласили: *у насъ есть буржуазія*, позволилъ намъ повѣрить, что буржуазія наша есть тотъ самый западный социальный классъ, который призванъ совершить сначала промышленную, потомъ политическую революцію, захватить власть, открыть буржуазный періодъ исторіи и довести прямымъ путемъ насъ до социализма. Мы стали жить другимъ міромъ, стали дышать имъ. Вы понимаете теперь, почему у насъ всѣ несоциалисты стали «буржуями»; почему революція 1905 года названа «буржуазной»; почему у насъ сейчасъ «буржуазное» правительство; вы понимаете, что «захватныя стремленія нашей буржуазіи» породили эту войну и затягиваютъ ее нынѣ; вы понимаете, что послѣ «буржуазныхъ» революцій происходятъ социалистическія, стало быть, революція 1917 г. есть социальная революція; вы понимаете, почему она взываетъ: «сгинь капитализмъ»...

А буржуазія, настоящая русская, не европейская буржуазія, торгово-промышленное сословіе наше? Не оно произвело переворотъ 1905 года, не оно стало у власти въ первой Думѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ получило оно несчастныхъ 12 мѣствъ. Не оно образовало реакціонную партію порядка, не на него опирался Столыпинъ. Созданіе торгово-промышленной партіи оказалось блюфомъ. Адепты 17-го октября обнаруживали всѣ признаки политической безпомощности и не говорили, какъ Сіейсь. Я думаю, что многіе изъ искреннихъ марксистовъ въ этотъ славный періодъ исторіи испытывали подлинную тоску по буржуазіи... Казалось, что вотъ-вотъ встанетъ въ Думѣ нѣкто большой и сильный, и заговоритъ голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ: «Я пришелъ, дорогу русской буржуазіи»... Напрасно, никто не приходилъ, царское правительство правило, торгово-промышленное сословіе понемногу торговало и промышленяло, посылало депутаціи въ Петербургъ, обивало министерскіе пороги, удивляло иностранныхъ капиталистовъ своимъ неумѣніемъ вліять на власть. Такъ пришелъ 1914 годъ, грянула война. Ужъ не здѣсь ли наша «буржуазія» открыла свое лицо?

* * *

Вопросъ объ отношеніи капитализма къ войнѣ не рѣшается такъ просто, какъ онъ трактуется на митингахъ. Крупный капитализмъ создаетъ массу избыточныхъ товаровъ и для размѣщенія ихъ ищетъ рынковъ. Но «достигается-ли это путемъ развитія милитаризма или мирными средствами—это совершенно безразлично съ капиталистической точки зрѣнія». Скорѣе даже, какъ училъ Марксъ, капитализмъ склоненъ завоевывать не мечомъ, а рублемъ. Скорѣе, онъ космополитиченъ, въ противоположность предшествующимъ, военнымъ періодамъ человѣческой исторіи. Имперіализмъ по природѣ своей вовсе не связанъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ; онъ является, какъ думаютъ даже нѣкоторые, показателемъ его вырожденія, его упадка. «Буржуазія можетъ сдѣлаться слабой; вслѣдствіе усталости, безсилія или страха она можетъ отдаться во власть государ-

ства, предпочитая наслаждаться тѣмъ, что уже имѣется, но не производить, потреблять, но не созидать; тогда ея промышленная и торговая дѣятельность замедляется». Тогда она мѣняетъ жезль Меркурія на мечъ, поощряетъ милитаризмъ, становится имперіалистической. Не безъ причины наиболѣе мощная изъ буржуазныхъ республикъ, Соединенные Штаты, несла до сихъ поръ на своемъ знамени миръ, а не мечъ. Имперіализмъ по существу своему родитъ иной, небуржуазной культурѣ, культурѣ земледѣльческой, дворянской и феодальной. Послѣдняя есецѣло покоилась на мечѣ, и Германія потому, можетъ быть, несетъ міру мечъ, что въ ней живы еще остатки стараго феодальнаго рыцарства. Россія была также имперіалистическимъ государствомъ, столѣтія вела имперіалистическую политику, но имперіализмъ нашъ менѣе всего былъ связанъ съ судьбами буржуазіи. Это была политика великаго крестьянскаго, мужицкаго царства, ищущаго себѣ пашни и хлѣба. И ошибочно думать, что русскій имперіализмъ вдохновлялся нашимъ правительствомъ, его велъ весь русскій народъ. Развѣ не казацкая вольница покорила Сибирь? Развѣ не она колонизировала южныя степи, дошла до Кавказскихъ горъ? Россія стала великой міровой державой, ибо народъ ея имѣлъ великую волю къ власти. Нѣтъ сомнѣнія, что имперіализмъ этотъ, какъ и все въ русской монархіи, выродился къ началу нашего столѣтія. Онъ сталъ ненароднымъ, а бюрократическимъ—доказательство тому безплодная и ненужная Японская война. Но нельзя оспаривать, что однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ европейской войнѣ былъ старый и, пожалуй, уже изжитый миѣ о Россіи, какъ покровительницѣ славянства.

На защиту несчастной Сербіи толкнуло насъ не буржуазное хозяйство и не торгово-промышленное сословіе наше, а скорѣе старый патріархальный взглядъ на Россію-матушку, разрушить который и призвана буржуазная культура. Войну эту не начала наша «буржуазія», не ея «захватными стремленіями» война вдохновлялась. Войну начало петербургское правительство, которое, можетъ быть, по пережитку ч увствовало себя еще носителемъ всеславянской идеи. Войну эту поддержалъ русскій мужикъ,—тотъ самый мужикъ, который строилъ великую Россію и который одобрилъ войну, какъ правое дѣло.

* * *

Въ Россіи нѣтъ и не было «буржуазіи» въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Если не буржуазія наша начала эту войну, то и не она сдѣлала вторую революцію. Никогда, кажется, миѣ о «буржуазіи» не принималъ такого анекдотическаго характера, какъ въ наши революціонные дни. На западѣ «буржуазія» сражалась за власть, у насъ «буржуазію» приходится сейчасъ буквально тащить къ власти. А она еще упирается и не хочетъ. Сами социалисты требуютъ, чтобы у власти стали «буржуазные» элементы, а они несутъ власть, какъ «повинность», а не какъ привилегію. Это показываетъ, что мы никогда не находились и не находимся въ «буржуазномъ» періодѣ исторіи. Исторія наша всегда была исторіей великаго крестьянскаго народа. Русскій сфинксъ—это громадная мужицкая сила, распыленная на громадномъ пространствѣ нашихъ полей и лѣсовъ. Сила эта никакъ не могла управиться сама собой, и она передовѣрила дѣла государственнымъ русскому правительству, русской

бюрократии. Повѣренные оказались плохими, и вотъ сейчасъ великая крестьянская сила, съ одной стороны, дѣлаетъ опытъ организациі самоуправленія, съ другой стороны, присматривается, какъ организовать довѣріемъ облеченную власть. Старой власти она не вѣритъ, а такъ какъ ей внушили, что правила ея «буржуазія», то ея мощнымъ лозунгомъ и является «сгинь капитализмъ»...

Величайшая опасность мѣа о нашей буржуазіи заключается въ томъ, что, борясь съ капитализмомъ, мы попадаемъ часто мимо него и наносимъ ударъ нашей небогатой русской культурѣ. Ненависть къ буржуазіи выливается въ формы ненависти ко всемъ тѣмъ, кто читаетъ книги, ходитъ съ портфелемъ, носить воротнички и т. п. Въ «буржуи» попадаетъ и сельскій учитель, и врачъ, и агрономъ. Удивительно ли, что низы нашего торгово-промышленнаго сословія, въ родѣ царицинскаго Минина, идутъ въ рядахъ антибуржуазнаго движенія, идутъ противъ «буржуазіи». Если власть мѣа не прекратится, русской культурѣ будетъ нанесенъ смертельный ударъ, отъ котораго она не скоро оправится.

Н. Н. Алексѣевъ.

„МЫ, ВОЕННЫЕ“.

Очеркъ первый.

I.

28-го февраля, около трехъ часовъ дня, было довольно тепло. Мы, въ «милой жизни» бывшіе студентами, учителями, адвокатами и просто людьми, шагали отъ Кудрина по Поварской—въ папахѣхъ, придававшихъ намъ нѣсколько казачій видъ, и въ солдатскихъ скаткахъ; черезъ плечо болтались папки съ глазомѣрной съемкой. Мы знали, что въ Петербургѣ—военный бунтъ; но знали смутно. Утромъ видѣли за Прѣсенской заставой, какъ заводъ Земскаго Союза прекратилъ работу. Волненій среди насъ не было. Москва имѣла еще видъ обыденный, и мы сами не вышли изъ обыденныхъ заботъ: срисовать другъ у друга съемку, поскорѣй удрать въ отпускъ.

На Арбатской площади пришлось остановиться: съ бульвара летѣлъ на насъ автомобиль, въ немъ—градоначальникъ. Я очень хорошо помню, что фуражка его была надвинута на самый лобъ, и верхъ ея странно вздымался сзади. Лицо землисто-желтое, глаза опущены. Въ немъ было нѣчто столь особенное, что приходилось сказать: «Да, началось». Градоначальникъ на своемъ красномъ автомобилѣ проносился въ послѣдній разъ. Онъ летѣлъ въ бездну, и объ этомъ читалось на его лицѣ. Однако въ этотъ день мы покойно содрали другъ у друга съемку, обѣдали въ четыре, отдыхали до пяти съ половиной; какъ всегда ревѣла труба въ половинѣ шестого, мы слѣзали съ кровати и начинали юнкерскій весенній вечеръ—малую, бѣдную жизнь людей, запертыхъ въ парадномъ зданіи императорскихъ временъ. Мы готовились къ репетиціямъ, утѣшались плиткой шоколада въ чайной; въ огромномъ сборномъ залѣ, гдѣ висѣли портреты царей, слушали Бетховенскую сонату: ее игралъ «бывшій человекъ», нынѣ въ военной курткѣ съ бѣлыми погонами, такой же эмигрантъ изъ міра живыхъ, какъ и мы.

Звуки Бетховена въ казармахъ горьки. Такъ же, быть можетъ, какъ туманный и пустынный мѣсяцъ надъ квадратнымъ плацомъ, гдѣ днемъ мы упражняемся во взводныхъ ученіяхъ; какъ блескъ дивнаго Оріона, когда вечеромъ «вздвоенными рядами» ведутъ тебя въ баню.

И не только этотъ, но и слѣдующій день, когда, кажется, все уже было рѣшено въ Петербургѣ, мы дремали въ своемъ мрачномъ palazzo. Я покойно спалъ въ ту ночь, какъ въ Петербургѣ ни за что убили юнаго моего друга. Я узналъ объ этомъ 1-го марта, утромъ. По странному случаю въ этотъ день выразилъ я желаніе итти на панихиду по Александрѣ II, въ домовою церкви; вышло же такъ, что панихиду я слушалъ, стоя въ шеренгѣ, «въ положеніи смиренно», по безвинномъ мальчикѣ. Былъ свѣтлый день. Помню, слезы застилали мнѣ глаза. Изъ угловыхъ оконъ на площади было видно—проносились автомобили съ красными флагами.

И вотъ, въ четвертомъ часу, когда мы собирались въ своей ротѣ—роскошномъ залѣ съ полукругомъ колоннъ,—итти на обѣдъ, вдругъ забилъ барабанъ. Въ первую минуту мы не обратили вниманія: мало ли барабановъ, трубъ, криковъ, командъ слышишь. Но барабанъ не умолкалъ. Что-то было въ немъ безпокойное. И какъ вѣтеръ пронеслось среди насъ: тревога. Это именно она и была. Насъ звалъancien régime. Въ нѣсколько минутъ мы выстроились въ шинеляхъ, съ подсумками, винтовками. Вышли офицеры въ походномъ снаряженіи. Всѣ были блѣдны: «Куда насъ ведутъ?»—спрашивали мы. Они ничего не знали. «Сейчасъ будутъ раздавать патроны». Принесли патроны, поднялась сутолка, стали рвать пачки, прилаживая ихъ въ подсумки, спрашивали другъ у друга о пустякахъ, но было видно, что ужасное, поднявшееся надъ нами, предъ каждой душой стоитъ во весь ростъ. «Неужели стрѣлять?» Офицеръ опять пожалъ плечами. «Ничего неизвѣстно. Сейчасъ осадное положеніе. Вы знаете, что бываетъ за отказъ подчиняться?» «Все равно, стрѣлять не будемъ». Офицеръ отошелъ. Это лучшее, что могъ онъ сдѣлать, ибо за одинъ такой отвѣтъ изъ строя долженъ бы былъ арестовать. «Не стрѣлять, не стрѣлять», шептали по шеренгѣ. «Братцы,—вскрикнулъ высокій, чашечный юнкеръ,—держитесь, помните, ребята, не стрѣлять». Прошли слухи, что ужъ выѣхали пулеметы наши, лазаретная линейка, обозъ, что третья рота выступила. Блѣдный юнкеръ, командиръ 1-го отдѣленія, говорилъ: «Меня перваго. Я на правомъ флангѣ». Ему сказали, что заколютъ офицера, который подыметъ на него руку.

Такъ говорили, но никто не зналъ, что будетъ. Развѣ можно поручиться за всѣхъ? Кто увѣренъ, что на роту не нашлось бы десятка слабыхъ? Мы чувствовали себя на грани непоправимаго.

Мнѣ этихъ минутъ не забыть. Помню, садилось солнце. Маленькая церковь, видная изъ оконъ роты, мирно въ свѣтѣ сіяла. Голубѣлъ кусокъ неба. Я опирался на винтовку, прислонивъ лобъ къ холодному штыку. Умирать мнѣ не хотѣлось. Покоенъ я не былъ. Но все-таки умереть такъ, какъ слѣдуетъ, я могъ. Я одно зналъ навѣрно, что не допущу позора, и не пойду ни на какое дѣло, съ нимъ связанное. Справа и слѣва отъ меня стояло по одному знакомцу, съ кѣмъ я былъ ближе,—мы нарочно стали втроемъ, чтобы вмѣстѣ итти, куда придется.

Офицеры опять вышли. Наши ряды нѣсколько смѣшались. Полъ былъ усѣянъ обрывками бумаги изъ-подъ пачекъ. Проходя мимо меня, мальчикъ лицеистъ, забава всей роты, вдругъ сказалъ: «А знаете, какая исторія... Вѣдь насъ могутъ и убить». Я улыбнулся: «Да, могутъ. И даже очень».

Я смотрѣлъ вокругъ себя: все были очень молодые люди. Мнѣ встрѣчалось много молодыхъ, тоскующихъ глазъ, не желавшихъ смерти. Быть можетъ, имъ даже это было труднѣе, чѣмъ мнѣ.

Мы простояли такъ полчаса. Потомъ велѣли намъ снять шинели, положить винтовки съ подсумками и папахами на кровати,—итти обѣдать. Но по первому зову быть готовыми.

Стало нѣсколько легче. Все же отсрочка. Мы шли на обѣдъ безъ оружія, привычными длинными коридорами. Привычно размѣстились, стоя за столами, пѣли молитву, сѣли. Помню, ярко красное солнце било послѣдними лучами въ столовую; какъ всегда, низки и тягостны казались ея своды, было душно, но милые солнечные лучи какъ будто изъ другого міра заходили сюда. Глупая мысль пришла въ голову: какъ бы тамъ ни было, а вотъ сейчасъ я пообѣдаю. Очень хотѣлось ѣсть. И если, можетъ быть, черезъ часъ меня убьютъ, зато сейчасъ нельзя запретить обѣдать.

Такъ обѣдали мы 1-го марта 1917 года въ тѣ часы, когда рѣшилась революція въ Москвѣ. Былъ взятъ Манежъ, арсеналь. Именно въ эти минуты стояли революціонныя войска (очень малочисленныя) предъ Думой и Манежемъ, и тоже ждали, когда же мы на нихъ пойдемъ. И многіе бородачи тамъ, какъ юнцы у насъ, тоже думали о концѣ, ибо насъ было больше, у насъ отличное вооруженіе, пулеметы, бомбометы, молодость и проч. Но судьбѣ не угодно было такъ повернуть дѣло. Мы вернулись въ роту, сидѣли на кроватяхъ со своими винтовками, съ тяжелыми сомнѣніями, но уже въ лучшемъ состояніи: мы больше сговорились, къ намъ пришли изъ другихъ ротъ, и оказалось, что настроеніе вездѣ, приблизительно, равное: не на кого было опереться старому порядку.

Въ одиннадцать намъ разрѣшили лечь. Мы до сихъ поръ ничего не знали. Смутно доносилось къ намъ, что въ Москвѣ революція, но что именно, неизвѣстно. Вечеромъ горнистъ подаль мнѣ записку. Знакомымъ, давно своимъ, ставшимъ частью меня почеркомъ было написано: «Не беспокойся. Я жива. Все очень хорошо. Мрозовскій арестованъ». Это извѣстіе рота восторженно встрѣтила.

Я, кажется, все же отлично спалъ въ ту ночь. За темными огромными окнами была Москва съ пустынными улицами, гдѣ произошли уже невиданныя дѣла. Послѣдній день стараго ушелъ вмѣстѣ съ тѣмъ солнцемъ, что освѣщало церковь, что кровавило столовую. Утромъ мы встали въ другомъ государствѣ. Внизу у окна была толпа, колыхались красные флаги. Въ газетѣ, которую торжественно читали вслухъ, въ курилкѣ, среди тумана папирозъ, чернымъ по бѣлому стояло: «Паденіе старой власти». Мы обнимались. У многихъ были слезы.

Началось то, что называютъ новой жизнью.

II.

Въ одиннадцать утра собрали насъ въ залъ. Пришелъ генераль—сухимъ, бодримъ шагомъ. Ему поставили столъ, онъ влѣзъ на него—и, вѣрно, въ первый

разъ въ жизни, открылъ рѣчь въ такой обстановкѣ. Было ясно, что ночь онъ не спалъ. Но видъ имѣлъ еще военный, обычный. Онъ говорилъ рѣзко, почти пронзительно. Сказалъ, что вчера насъ не вывелъ, несмотря на приказъ начальника охраны. По его объясненію выходило, что онъ—человѣкъ очень гуманный и тонкій; мы же поняли, что потому насъ не водили, что къ тому времени палъ Манежъ и Арсеналь. Онъ заявилъ, что послѣ долгихъ размышленій рѣшилъ ѣхать представляться новому командующему войсками. Мы зааплодировали. Генераль вдругъ разсердился. Прежнее, «военное» сверкнуло въ его маленькихъ, острыхъ глазахъ.

— Я оскорбленъ вашими аплодисментами.

Онъ—нашъ начальникъ, а не митинговый ораторъ. Начальникамъ не аплодируютъ. На заявленіе о томъ, что и мы хотимъ пройти Училищемъ по городу, съ музыкой и знаменемъ, онъ отвѣтилъ, что узнаетъ объ этомъ у командующаго войсками. «Если это будетъ удобно, я васъ самъ поведу».

Онъ уѣхалъ. Мы остались. По улицамъ все время проходили группы—солдатскія папахи, барышни съ красными значками, простой народъ. Мы все же, дѣлая видъ, что соблюдаемъ дисциплину, маршировали во дворѣ. Оставшіеся въ ротѣ выкинули въ толпѣ красные флаги. Снизу спросили обо мнѣ. Товарищъ выставилъ плакатъ: «Живъ».

Черезъ вызванныхъ портупей-юнкеровъ генераль сообщилъ, что командующій войсками проситъ на улицу не выходить, дома продолжать занятія. Мы подчинились, но неохотно. И часа два-три держались. Но къ пяти все рѣзко измѣнилось. Подъ окнами шли войска; росла толпа; нашъ вестбюль былъ полонъ барышень, студентовъ; явно звали насъ высказаться—за кого же мы.

Какъ нерѣдко, думаю, бываетъ въ этихъ случаяхъ, вдругъ явилась у насъ мысль: генераль насъ обманываетъ. Можетъ, вовсе онъ не былъ у командующаго; можетъ, вовсе тотъ не говорилъ, чтобъ мы сидѣли дома. Мысль эта, какъ быстро зародилась, такъ же обнеслась по всему огромному зданію. Здѣсь видѣлъ я зарожденіе мятежа, того, что называется возстаніемъ. Дѣло это состоитъ въ томъ, что какимъ-то электричествомъ пронизываются души; психическій токъ, пробѣжавъ по нимъ, поворачиваетъ всѣхъ ихъ въ одну сторону, какъ бы раскрываетъ ихъ туда; слѣдующій моментъ—воли сливаются, и ужъ тогда идетъ одна волна, съ которой нельзя бороться. Такой же вѣтеръ пронесся по ротамъ; вдругъ по длиннымъ, чиннымъ коридорамъ забѣгали юнкера, изъ ротъ высыпали кучки; кто-то крикнулъ: «Одѣваться». Въ нѣсколько минутъ всѣ у насъ были въ шинеляхъ. И я бѣжалъ, на ходу застегивая поясъ съ подсумкомъ. Встрѣченный офицеръ, съ дрожащимъ отъ волненія лицомъ крикнулъ мнѣ: «Кто вамъ позволилъ одѣваться?» Навѣрно, въ такомъ же искаженіи и я отвѣтилъ: «А кто мнѣ запретилъ»,—и уже меня не было, мелькали другіе, кто въ папахѣ, кто хватаясь за винтовку. Вездѣ творилось то же самое. Своему ротному мы объяснили, чего хотимъ. Мы къ нему хорошо относились. Онъ горячо убѣждалъ не брать винтовокъ. Мы колебались. Мимо по коридору, тяжелымъ мѣрнымъ шагомъ проходила рота. Въ это время сообщили, что пріѣхалъ помощникъ командующаго войсками. Онъ проситъ насъ въ сборный залъ. Построившись, мы тронулись.

Въ огромномъ залѣ юнкера выстроились въ карѣ,

съ пустотою посрединѣ. Сумрачный день кончался. Взадъ и впередъ ходилъ подъ люстрой бритый полковникъ—въ формѣ военнаго юриста. Первый представитель революціонной власти. Мы очень волновались. Когда утихли, полковникъ началъ: «Господа, старое правительство свергнуто...» Ревъ и стонъ, «ура» не дали ему продолжать. Онъ зналъ, что этотъ ревъ будетъ, и спокойно выждалъ. Затѣмъ, съ подъемомъ не безъ аффектаціи сообщилъ, что насъ благодарить командующій войсками за порядокъ, дисциплину. «Революція произошла. Врага пока нѣтъ. Вашъ выходъ на улицу ненуженъ, даже вреденъ, такъ какъ вездѣ и такъ возбужденіе. Когда вы нужны будете, я за вами прѣйду», выкрикнулъ патетически полковникъ: «и вы за мной пойдете?».

Онъ опять зналъ заранѣе, что мы заоремъ, опять стоялъ съ поднятой фуражкой, слегка помахивая ею надъ головой, пока нервы наши разряжались въ крикахъ. Затѣмъ, на вопросъ, можно ли все-таки выйти, подумавъ, отвѣтилъ:

— Можно, если вы хотите принести намъ вредъ.—

Аргументъ не изъ плохихъ. Онъ подѣйствовалъ. Кромѣ того, полковникъ далъ намъ возможность поорать еще въ честь революціи и свободы, что значительно упрощало дѣло. Начинало темнѣть. Было ясно, что выходитъ уже поздно. Толпѣ и войскамъ онъ обѣщалъ рассказать, что мы «съ ними», т.-е. въ дурномъ насъ не могутъ теперь заподозрѣть. Мы разстались дружественно. Входя въ свой автомобиль, тоже красный, какъ вчера у градоначальника, полковникъ говорилъ рѣчь и «народу». «Народъ» тоже кричалъ, и тоже разошелся. Нашъ вестибюль опустѣлъ. Наступилъ вечеръ. Мы вернулись въ роту—возбужденные, усталые, но веселые. Мы считали, что присягнули революціи; мы—опора власти, защитники свободы и порядка, вчера еще безправные «нижніе чины» на службѣ его величества—нынѣ «мы военные», *Nous autres militaires*—Революціи.

Бор. Зайцевъ.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ВЪ СОЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Всякая идейная революція разрушаетъ во имя созиданія. Она разрушаетъ то, что препятствуетъ созиданію. Она можетъ и должна ненавидѣть, но только во имя любви; ибо любовь къ справедливости, любовь къ свободѣ, любовь къ своему народу есть вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ насилію, къ угнетенію, ненависть къ предателямъ и обманщикамъ. Если революція кричитъ «долой!», то она вслѣдъ за тѣмъ провозглашаетъ: «да здравствуетъ» И вотъ во всякомъ «долой» нужно умѣть почувствовать и разгадать соотвѣтственное «да здравствуетъ». Ради кого «долой» и ради чего?

Русская революція провозгласила: долой Николая Второго! Да здравствуетъ Государственная Дума, которую онъ распустилъ, да здравствуетъ Миллюковъ, свергнувшій Штюрмера, да здравствуетъ Временное Правительство, поставленное Думой!

Да, это торжество революціи, огонь справедливаго гнѣва, радость безкорыстной любви, на одно мгновение—чувство всероссійскаго братства «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»!

Но вотъ несутся голоса: долой Миллюкова, долой Временное Правительство, долой Думу! Что это? Контръ-революція? О, нѣтъ, это разрушеніе старой жизни, это бушуетъ разгнѣванный народъ; пусть онъ неблагодаренъ и не всегда справедливъ, но онъ хочетъ ставить собственныхъ вождей и имѣть на это право. Пусть наступитъ полное торжество демократіи: «да здравствуетъ Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, да здравствуетъ обновленное Коалиціонное Министерство!»

Но вотъ 10-го іюня въ Петроградѣ готовится вооруженная манифестація подъ лозунгами: «долой Временное Правительство и Совѣтъ Р. и С. Депутатовъ, долой даже Всероссійскій Съѣздъ С., Р. и Крест. Депутатовъ!» Какъ, почему?

Оказывается, что «министры-соціалисты всѣ продались капиталистамъ, подкуплены союзниками, товарищъ-министръ Церетелли получилъ десять милліоновъ рублей отъ Терещенко, а того подкупили банкиры». Какъ же, а крестьяне? Очень просто: «они подкуплены помѣщиками и буржуазіей. Собственно, они сами и есть буржуазія, ибо настоящіе пролетаріи только въ большихъ городахъ, а въ провинціи живутъ буржуи». Такіе слухи кѣмъ-то усердно распространялись въ рабочихъ районахъ Петрограда и воспринимались тамъ, какъ непререкаемая истина. (Сообщенія делегатовъ Совѣта С. и Р. Д. о впечатлѣніяхъ при объѣздѣ рабочихъ районовъ въ ночь на 10-е іюня). Соціалисты-революціонеры за несомнѣнную наличность у нихъ государственнаго смысла были объявлены «мелкой буржуазіей» и Керенскій ея первымъ представителемъ. «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое»—лозунгъ мелко-буржуазный. Чтобы стряхнуть всякую «буржуазность», нужно поднять черное знамя анархизма и провозгласить: «въ грабежѣ обрѣтешь ты право свое»!

Что же такое происходитъ? Контръ-революція? О, нѣтъ, это «борьба съ контръ-революціей, это контръ-контръ-революція». Такъ утверждаютъ большевики. Однако, не такъ думаетъ подлинная русская демократія, по ея мнѣнію, это именно и есть самая настоящая опасность контръ-революціи: «Большевики васъ зовутъ на улицу, якобы для борьбы съ контръ-революціей, а на самомъ дѣлѣ играютъ въ руку контръ-революціи» (Воззваніе Ц. К. партіи С. Р. отъ 10 іюня). Не легко разобраться, что же такое здѣсь происходитъ, какія соціальныя силы вступили въ борьбу. Во всякомъ случаѣ знаменательно, что появляются, наконецъ, прокламаціи съ призывомъ свергнуть не только Временное Правительство, но заодно и Петроградскій Совѣтъ С. и Р. Д. и передать всю власть «анархистамъ», засѣвшимъ въ дачѣ Дурново. Прокламаціи эти были, повидимому, черносотеннаго происхожденія.

Одинъ принципъ царствуетъ надъ всѣмъ: послѣдовательное «долой». Долой Временное Правительство, долой Всероссійскій Съѣздъ С. Р. и Кр. Деп.! Позвольте, но вѣдь это—вся Россія, вѣдь здѣсь представленъ, какъ это доказывали соціалисты, весь русскій народъ? Ну, что жъ, долой всю Россію!

Исполнительный Комитетъ Крестьянскихъ Депутатовъ въ своей резолюціи именно такъ истолковалъ поведеніе большевиковъ: «большевики не желаютъ считаться съ волей всего трудового народа, выражаемой Совѣтомъ Кр., Р. и С. Депутатовъ», призывъ

большевиковъ «является сопротивленіемъ волѣ всей революціонной Россіи».

По сообщенію корреспондента «Утра Россіи» (отъ 13 іюня), въ Царицынѣ теперь особой популярностью пользуется лозунгъ «долой всѣхъ и все»: долой земство, которое налагаетъ высокіе поборы, долой учителей, врачей, фельдшеровъ, акушеровъ, агрономовъ и инструкторовъ; долой всякую интеллигенцію, ибо все это «буржуи!» Вотъ какъ тотъ же корреспондентъ опредѣляетъ социальныя силы, на которыхъ покоится это явленіе: «все самое низменное и оголтелое въ деревнѣ нашло точку опоры и нравственное оправданіе въ большевизмѣ, блистательную идеологию котораго народная душа воспринимаетъ, какъ культъ озорства, революціоннаго разгильдяйства и распоясанности, какъ талисманъ, спасающій отъ тюрьмы, какъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ уголовщины».

Что же въ концѣ концовъ происходитъ? Чего добивается эта новая партія *долоевцевъ*? Прежде всего, происходитъ явная чепуха! Безъ этого социальнаго фактора—чепухи—ничего нельзя понять у насъ въ Россіи. Вѣдь глупость есть особая социальная сила, которая нуждается въ особомъ представительствѣ. Глупость и темнота толпы всегда создавала «Ходынку»; ея принципъ: «напирай, ребята!» «при!» Этотъ принципъ положенъ въ основу послѣдней рѣчи Ленина, который закончилъ ее красивой цитатой изъ «Правды»: «нужно побольше напирать на капиталистовъ, чтобы они лопнули по всѣмъ швамъ, и тогда война кончится».

Бѣда только въ томъ, что лопаются по всѣмъ швамъ вся Россія, а не одни капиталисты. Это и понятно: капиталистовъ у насъ очень мало, ибо Россія самая некапиталистическая страна, а людей, которые готовы переть и напирать, весьма много, и вотъ они пруть другъ на друга, создавая «Ходынку».

У Ленина, растерявшаго всю мудрость Маркса, и сохранившаго лишь сѣмена классової ненависти, которыя онъ разбрасываетъ, выработаны свои особые приемы борьбы съ капитализмомъ. Онъ думаетъ, что капитализмъ можно посадить въ тюрьму, что на него можно понапереть. Вотъ, на примѣръ, несется по Москвѣ трамвай и на немъ грозная надпись: «Сгинь капитализмъ!» Очевидно, по теоріи Ленина, трамвай собирается напереть на какого-нибудь капиталиста, чтобы тотъ лопнулъ по всѣмъ швамъ. Ненависть, соединенная съ безуміемъ,—вотъ программа, которую легче всего проповѣдывать, нужно только истерически кричать и злобно кривляться, и тотчасъ же разольется духовная зараза: тысячи обезьянъ начнутъ кричать и кривляться. Говорятъ: нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Да, этихъ обезьянъ, несомнѣнно, выдумалъ нѣмецъ!

Безуміе и ненависть—вотъ стихіи, которыя повели свое наступленіе; наступленіе противъ всѣхъ, кто обладаетъ разумомъ и дышитъ любовью, наступленіе съ тылу противъ Россіи. Это уже не глупость, надъ которою забавно смѣяться, не краснорѣчивая глупость, порою выступавшая на митингахъ, та самая, про которую Островскій сказалъ: «слова у меня, словно бисеръ, но въ умѣ у меня сужденія нѣтъ, и что къ чему—этого мнѣ не дано», теперь иное: черное безуміе подняло голову и угрожаетъ чернымъ знаменемъ, символомъ вѣчнаго «долой».

Бактеріи безумія и ненависти были привезены къ намъ въ запломбированномъ вагонѣ черезъ Германію. И вагонъ былъ запломбированъ такъ герметически, что ни одна изъ бактерій, даже самая малень-

кая, не вырвалась въ Германіи, всѣ были доставлены въ Россію. Германія рѣшила отравить духовныя источники Россіи. Къ счастью, вся ея организація уже начинаетъ раскрываться. Гриммъ уже высланъ обратно.

Какъ бороться съ этими ядовитыми газами, съ этимъ дыханіемъ демоновъ? Бороться можно только вѣчными божественными силами *мудрости* и *любви*. По опредѣленію Лейбница, справедливость есть *любовь мудраго*. Только справедливость можетъ преодолѣть социальное зло, разладъ и хаосъ, только она можетъ дать гармонию и согласіе народныхъ силъ, то, что французскіе социологи называютъ «солидарностью». Мудрость безъ любви не устраиваетъ согласіе жизни, она можетъ быть своекорыстной мудростью; но и любовь безъ мудрости не созидаетъ; она бываетъ слѣпою и несправедливой любовью. Только любовь и мудрость могутъ создать справедливую жизнь, которой такъ жаждетъ человѣчество.

Мало у насъ любви и мало мудрости! Ненависть и безуміе видны поверхъ всего, но пусть онѣ не торжествуютъ! Онѣ выброшены наверхъ вулканомъ революціи, чтобы взлетѣть и разсыпаться въ прахъ, чтобы пепломъ разнестись по вѣтру. Народъ живъ только любовью, онъ не можетъ долго вдыхать отраву ненависти, онъ долженъ, наконецъ, возненавидѣть ненавидящихъ, сказать послѣднее «долой» всѣмъ этимъ «долоевцамъ».

Что губить народъ? Что губить демократію, какъ власть народа? Разъединеніе, распадненіе, взаимная ненависть, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Демократія держится только справедливостью, только разумомъ любви, только солидарностью.

Какимъ простымъ представляется сейчасъ соотношеніе всѣхъ народныхъ силъ тому, кто любитъ Россію, любитъ русскую свободу: партіи, блоки, союзы, классы—все это условно и спорно, одно ясно—есть люди, которые спорятъ о томъ, какъ устроить Россію, какъ дать землю крестьянину, какъ улучшить бытъ рабочихъ, какъ создать всеобщую солидарность,—и есть такіе, которые думаютъ только о разрушеніи, о гражданской войнѣ, о возбужденіи ненависти, объ уничтоженіи всякой организаціи, о сепаратизмѣ вездѣ и во всемъ.

Рабы ненависти и крестоносцы любви! Прислужники сатаны и вѣстники Бога! Кто можетъ что-нибудь безкорыстно любить, что-нибудь считать святымъ, за что-нибудь полагать душу, тотъ Божій вѣстникъ, на томъ мерцаетъ отблескъ божественнаго, хотя бы далекій и блѣдный. Люби свою землю, люби свой народъ, люби своихъ товарищей, люби союзъ, въ который вступилъ, но люби такъ, чтобы любить ихъ не во имя свое, не ради выгоды, не ради сытости, не ради жалкихъ утѣхъ самолюбія, не ради «похоти господства», а въ святомъ и безкорыстномъ перывѣ любви, въ порывѣ вѣчной жизни! Онъ одинъ творитъ чудеса и одерживаетъ побѣды.

Но тотъ, кто предаетъ товарищей и друзей, какъ Иуда, въ дни невзгодъ и гоненій, кто пользуется ими, какъ стадомъ озлобленныхъ рабовъ, чтобы бороться за эфемерную власть на часъ, тотъ не любитъ никого и ничего, а лишь тѣшитъ свою «похоть господства», самую мерзкую похоть, какую только могъ изобрѣсти дьяволъ. Какъ отвратительна была она въ этихъ Штюрмерахъ и Щегловитовыхъ, въ агентахъ охраны и жандармскихъ офицерахъ! Но и мелкій бѣсъ господ-

ства достаточно мерзокъ, тотъ всѣмъ знакомый обликъ, что изображенъ Чеховымъ въ видѣ унтера Шибышеева. Онъ и теперь живетъ и дѣйствуетъ; тогда онъ кричалъ: «расходись!», теперь онъ кричитъ: «сходись!» Не думайте, однако, чтобы онъ объединялъ своимъ призывомъ, нѣтъ, это тотъ же вѣчный пріемъ разединенія и раздробленія: сходись, чтобы вмѣстѣ кричать «долой всѣхъ и все!»

Завидно, что другіе властвуютъ, завидно, что у нихъ что-то удается, завидно, что любятъ Керенскаго, завидно, что Плехановъ талантливъ и культуренъ, завидно, что меньшевики и С. Р. вліяютъ на судьбу государства,—а потому «долой!»

А всѣ тѣ, кому завидуетъ мелкій бѣсъ, кто лучше живетъ, кто талантливѣе, кто образованнѣе, кого больше любятъ,—ихъ нужно называть буржуями и въ крайнемъ случаѣ мелко-буржуями. Керенскій, на примѣръ, — «представитель мелкой буржуазіи». Нужно ненавидѣть буржуевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стараться всѣми силами сѣсть на ихъ мѣсто: занять ихъ дачи, дворцы, особняки, министерскія мѣста.

Б. Вышеславцевъ.

ПАТРИОТИЗМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Обыченъ фактъ: великія революціи, вызывая глубокіе внутренне-государственные конфликты, сопровождаются и внѣшними войнами. Народный организмъ, раздираемый внутри, долженъ бороться и съ внѣшними опасностями. Новый міръ приходитъ въ грозѣ и бурѣ. Мало того, во время этихъ революціонныхъ войнъ нація раздѣляется на двѣ части: одни—за революціонную армію, другіе—противъ нея.

Такъ, въ англійскую революцію XVII вѣка народная армія «круглоголовыхъ» имѣла противъ себя королевскую армію «кавалеровъ»; въ великую французскую революцію народная армія Конвента сражалась противъ коалиціонныхъ силъ Европы, куда массами эмигрировали офицеры королевской французской арміи; въ 1870 году во Франціи республиканскому правительству національной обороны и арміи «мобилей» противостояли консервативные и монархическіе слои населенія, стоявшіе за міръ во что бы то ни стало.

Въ нашу русскую революцію также единства не оказалось: съ одной стороны громадная масса арміи и народа желаетъ сражаться до окончательной побѣды надъ гегманіей, съ другой—всякаго рода пораженцы, германскіе агенты и продавшіеся Германіи измѣнники и предатели, въ громадномъ количествѣ прибывшіе къ намъ изъ-за границы.

Въ военной исторіи революцій можно наблюдать странное явленіе: неподготовленная, необученная, недисциплинированная армія, составившаяся изъ кого попало, изъ сѣрыхъ народныхъ массъ, очень скоро оказывается грознымъ и побѣдоноснымъ войскомъ: такова «желѣзнобокая» армія Кромвеля, такова республиканская армія Конвента. Тамъ, гдѣ была безпорядочная толпа, образуется единое и крѣпкое воинство; тамъ, гдѣ не было никакой дисциплины и царила полная разнузданность, очень скоро утверждается желѣзная дисциплина, и безпорядочная

толпа сѣраго народа дѣлается грозной и страшной силой, низвергающей цѣлыя царства.

Въ чемъ же причина этого страннаго историческаго явленія? Единственно въ духѣ революціонной арміи. Надъ смутными и беспорядочными толпами вооруженнаго народа проносится дыханіе великой страсти, и она дѣлаетъ изъ этихъ мирныхъ и неумѣлыхъ ремесленниковъ и пахарей непобѣдимыхъ воиновъ. Эта великая страсть есть *патриотизмъ*, любовь къ родной странѣ, только что освобожденной и потому любимой еще со всею страстью первой любви.

Это необычайно ясно видно на примѣрѣ французской революціи.

Въ 1792 году монархическія правительства Европы, устрешенныя освободительной пропагандой французской революціи, образуютъ коалицію для поддержанія монархіи во Франціи. Въ апрѣлѣ этого года объявлена война, и вскорѣ австро-прусскія войска, подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, вторгаются съ сѣвера и востока. Главнокомандующій непріятельскими войсками издаетъ полный угрозами манифестъ къ французскому народу: «Городъ Парижъ и всѣ его жители безъ различія должны тотчасъ же и безъ отсрочки подчиниться своему королю и представить ему полную свободу». Въ противномъ случаѣ французы будутъ подвергнуты «примѣрному и навѣки памятному наказанію, городъ Парижъ будетъ подвергнутъ военной экзекуціи и полному разгрому, а бунтовщики, виновные въ преступленіяхъ, будутъ подвергнуты заслуженной казни».

Положеніе Франціи въ этотъ моментъ было дѣйствительно грознымъ. Денегъ въ казнѣ не было, бумажныя ассигнаціи ничего не стоили. Границы оставались безъ защиты. Внутри начиналась гражданская война. Солдаты были дезорганизованы, не вѣрили и подозрѣвали своихъ начальниковъ, были озлоблены лишеніями, разлагались анархической пропагандой. Лучшія крѣпости были взяты. Повсюду отсутствіе административнаго и правительственнаго аппарата. Всѣ силы страны бездѣйствовали.

Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ историковъ французской революціи такъ изображаетъ тогдашнее взаимное положеніе Франціи и Европы: «Все перевернуто вверхъ дномъ во Франціи; все по старому въ порядкѣ въ Европѣ. Во Франціи нѣтъ ни правительства, ни средствъ; отъ арміи у нея остались лишь слабые кадры. Старыя монархіи располагаютъ всѣми ресурсами сильныхъ правительствъ: ихъ войска—на военномъ положеніи, ихъ генералы, знатоки военнаго дѣла какъ въ теоріи, такъ и по практикѣ прошлыхъ битвъ, командуютъ послушными и обученными солдатами. У нихъ знаніе, дисциплина, численность, снаряды, оружіе. Повидимому, Франція будетъ разгромлена. И противъ всякаго ожиданія, именно анархія организуется, и именно организованная сила разлагается. Франція поражаетъ коалицію».

Все спасла энергія патриотизма, любви къ родинѣ. Дантонъ, министръ Конвента, 28 августа 1792 г. заявляетъ въ Конвентѣ: «Надо, чтобы собраніе показало себя достойнымъ націи. Конвульсивнымъ напряженіемъ мы повергли деспотизмъ; только національнымъ конвульсивнымъ напряженіемъ мы заставимъ деспотовъ отступить. До сихъ поръ Лафайетъ лишь игралъ въ войну; надо начать войну болѣе ужасную. Время сказать народу, что онъ массами долженъ устремиться на непріятеля. Наше положеніе таково, что»

все, что матеріально можетъ служить нашему спасенію, должно бытьъ сдѣлано. Какимъ образомъ народы, приобрѣтя свободу, ее сохраняли? Они бѣжали навстрѣчу непріятелю, а не ждали его. Что скажетъ Франція, если Парижъ, въ оцѣпенѣніи будетъ ждать прибытія непріятеля? Французскій народъ хотѣлъ быть свободнымъ, и онъ будетъ имъ. Въ распоряженіи муниципалитетовъ отдано будетъ все необходимое; собственники будутъ вознаграждены вполнѣдствіи. Когда отечество въ опасности, все должно принадлежать отечеству».

И нѣкоторое время послѣ тотъ же Дантонъ заявилъ въ Конвентѣ: «Министры свободнаго народа рады заявить, что отечество будетъ спасено. Все въ движеніи, все въ работѣ, все горитъ желаніемъ борьбы. Вы знаете, что Верденъ еще не сдался, и гарнизонъ заявилъ, что первый, кто предложитъ сдаться, будетъ убитъ. Часть народа двинется къ границамъ, другая будетъ рыть окопы, третья съ депутатами, будетъ защищать въ тылу наши города. Въ этотъ моментъ столица достойна всей Франціи; національное собраніе сейчасъ лишь военный комитетъ. Мы просимъ, чтобы вы помогли намъ направлять это изумительное движеніе народа, назначивши комиссаровъ для содѣйствія намъ въ этихъ важныхъ мѣрахъ. Мы требуемъ, чтобы всякій, кто откажется лично служить или выдать оружіе, былъ наказанъ смертію. Мы требуемъ, чтобы граждане обучались военнымъ приемамъ, чтобы во всѣ департаменты были посланы курьеры съ изданными вами декретами. Набатъ будетъ сигналомъ не тревоги, а наступленія на враговъ отечества. Чтобы побѣдить, господа, нужно мужество, еще мужество, всегда мужество, и отечество будетъ спасено».

Въ Парижѣ звонитъ набатъ, стрѣляютъ пушки. Ратушу окружаетъ громадное черное знамя, на которомъ написано «отечество въ опасности». Депутатъ Верньо объявляетъ народу, что Верденъ взятъ нѣмцами, и непріятель устремляется на Парижъ; депутатъ Роланъ— что въ Вандеѣ раскрытъ обширный роялистскій заговоръ...

Декретируется всеобщее и поголовное вооруженіе. Въ Парижѣ тотчасъ же 40.000 гражданъ строятся въ полки на Марсовомъ полѣ; они прощаются со своими женами и дѣтьми и при крикахъ «впередъ, на врага» уходятъ по направленію къ Вердену.

Поэтъ Андре Шенье обращается съ пламенными призывами къ недисциплинированнымъ солдатамъ: «Вы всѣ, чья душа можетъ чувствовать честное и доброе; вы всѣ, у кого есть отечество и кто знаетъ, что такое отечество; кто знаетъ, что онъ говорилъ, когда клялся защищать его, и для кого жить въ свободѣ или умереть что-нибудь да значить; вы всѣ, французскіе граждане, у кого есть дѣти, жены, родители, братья и друзья, съ кѣмъ и для кого вы хотите побѣдить, съ кѣмъ и для кого вы рѣшили умереть,— до какихъ же поръ вы будете говорить о вашей свободѣ и въ то же время будете оставаться рабами гнусныхъ партійныхъ раздѣленій. Возвысьте же голосъ! Покажитесь! Пусть явится нація!»

Словно изъ земли выросла армія. Все было реквизировано: люди, снаряды, лошади. Собраны были громадныя силы. Домашніе инструменты, лопаты, щипцы, всѣ желѣзныя вещи перековывались въ оружіе. Народъ давалъ все, что могъ.

Объясняя это воодушевленіе народа, Тэнъ пишетъ: «Дѣло шло не о томъ, чтобы выбирать между поряд-

комъ и смутою, а между новымъ режимомъ и старымъ, ибо за спиною иностранцевъ у границъ видны были эмигранты. Потрясеніе было грандіозно, особенно въ глубокихъ слояхъ, которыя когда-то одни несли на себѣ тяжесть стараго строя, особенно среди милліоновъ, живущихъ тяжелымъ трудомъ рукъ своихъ... Они по опыту знали разницу между теперешнимъ и прошлымъ ихъ положеніемъ... И вотъ имъ говорятъ о лигѣ иностранныхъ королей, о вооруженныхъ эмигрантахъ, о неизбѣжномъ вторженіи, о полчищахъ хорватовъ и пандуровъ, о наемныхъ и варварскихъ ордахъ, брошенныхъ на нихъ, чтобы снова заковать ихъ въ цѣпи. Ярость и гнѣвъ распространяются изъ мастерскихъ въ деревенскія хижины, при звукахъ національныхъ пѣсенъ, клеймящихъ заговоры тирановъ и призывающихъ народъ къ оружію... Деревенскія массы ненавидятъ старый строй по собственному опыту и по преданію. И какъ только издалека онѣ замѣчаютъ возможность возстановленія барщины и феодальныхъ правъ, ихъ позиція тверда, и онѣ борются не на жизнь, а на смерть».

«Со всѣхъ сторонъ,—писалъ одинъ изъ солдатъ революціи,—бѣгутъ къ оружію; всѣ, кто въ состояніи выносить лишения и труды войны, устремляются въ военные лагеря. Каждый бросаетъ свои занятія, свою профессію, и образуются арміи, которыя обезпечили побѣду Франціи». Патриотизмъ возмѣстил все.

Каково же было положеніе французской арміи въ началѣ революціонныхъ войнъ?

Въ началѣ, если не считать гарнизонныхъ войскъ, противъ нѣмцевъ стояло лишь 82 тысячи солдатъ, къ тому же необученныхъ. Полное отсутствіе офицеровъ: изъ 9,000 шесть тысячъ эмигрировало за границу. Однако въ 1794 году солдатъ было уже болѣе 600,000. По отзывамъ современниковъ, революціонные солдаты были полны энтузіазма, но ихъ экзальтація легко переходила въ разнузданность и нарушеніе дисциплины. Одинъ изъ генераловъ далъ имъ такую характеристику: «Это—истинные французы. Это—хорошій сортъ людей, но легкость, съ которой принимали всѣхъ желающихъ, привела къ тому, что попало много людей, мало привыкшихъ къ послушанію и къ дисциплинѣ, требуемой военной службой. Нѣтъ послушанія, нѣтъ возможности командовать». Лишь артиллерія была цѣлой и даже первой въ Европѣ. Она была съ команднымъ составомъ, прекрасно образованнымъ и одушевленнымъ наилучшимъ духомъ. Артиллерійскіе офицеры, обычно незнатнаго происхожденія, не эмигрировали и остались на своихъ мѣстахъ. Но пѣхота и кавалерія разложились и сохранили только слабые кадры. Въ особенности было трудно создать командный составъ. Прибѣгли къ тѣмъ, кто былъ разжалованъ при старомъ режимѣ и кто присоединился къ революціи. Эти старики организуютъ и обучаютъ новыя войска, составляютъ первые военные планы. Особенно много поработалъ Карно, членъ Конвента, «организаторъ побѣды» и начальникъ генеральнаго штаба Республики.

Мало-по-малу армія становится годной къ войнѣ. Появляются новые вожди, изучающіе военное искусство на поляхъ сраженій, командуя войсками. Это цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, изъ которыхъ самому старому не болѣе 30 лѣтъ. Они стекаются со всѣхъ концовъ страны и выходятъ изъ темныхъ рядовъ народа: Бонапартъ (24 лѣтъ), Даву (22 лѣтъ), Мюратъ (24 лѣтъ), Ней (23 лѣтъ),

Съ 1791 года военные лагеря наполняются волонтерами, молодыми и мужественными людьми. Ими руководить одна единственная страсть: патриотизмъ. На мѣсто смутнаго сознанія близости всѣхъ французовъ, въ теченіе вѣковъ объединенныхъ монархіей въ единое государство, является чувство единого народа. Короли подготовили элементы единого отечества; революція дала имъ душу, сливши въ единую французскую націю. Среди разрухи государства и среди національной анархіи Франція создала единое, сильное и дисциплинированное общество. Въ то время какъ всякаго рода смутьяны и анархисты, бѣсноватые и преступники профанируютъ свободу и обагрятъ кровью отечество, армія является передъ Европой «славное и чистое лицо Франціи. Революція живетъ среди нея въ идеальномъ образѣ. Энтузіазмъ сохраняется здѣсь въ своей первоначальной чистотѣ. Въ то время какъ столица и страна представляютъ картину тираніи и борьбы фракцій, въ военныхъ лагеряхъ осуществляется подлинная республика. Въ тотъ критическій моментъ армія была великимъ счастьемъ Франціи и именно она спасла народъ.

Во французскихъ солдатахъ 1792 года, въ этой толпѣ оборванцевъ, спѣшившихъ къ границамъ сражаться за свободу Франціи и за свободу всего міра, чувствовался тотъ же духъ священнаго энтузіазма, который когда-то за 500 лѣтъ до того увлекалъ ихъ предковъ въ далекіе крестовые походы на освобожденіе Святыхъ мѣстъ. Война предстала французамъ какъ патриотическая необходимость для спасенія родины. Прежде чѣмъ освободить и обращать въ свою вѣру чужеземные народы, французы должны были спасти самихъ себя. Вопросъ шелъ о независимости націи, о свободѣ самихъ гражданъ. Французы чувствовали, что вторженіе непріятеля влечетъ за собою возстановленіе стараго режима. Отечеству угрожаетъ разчлененіе, имъ угрожаетъ рабство: и они рѣшили бороться до послѣдней капли крови, но не уступать ни пяди родной земли, и не отдавать своихъ правъ свободныхъ гражданъ.

Стендаль такъ характеризовалъ, по личнымъ воспоминаніямъ, душевное состояніе революціонной арміи: «Въ 1794 году наше глубокое и серьезное чувство заключалось въ этой одной мысли: быть полезнымъ отечеству. Все остальное,—одежда, пища, служебный успѣхъ, все это было въ нашихъ глазахъ жалкая и эфемерная деталь... Это чувство было единственной нашей религіей». Даву, впоследствии наполеоновскій маршалъ, одинъ изъ наиболѣе грозныхъ полководцевъ, въ письмѣ писанномъ въ 1792 г., когда ему было всего 22 года, писалъ: «Мы привѣтствовали непріятельскіе снаряды, падашіе на насъ криками: «да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода и равенство!» А Мармонъ, тоже впоследствии маршалъ, въ 1792 г. бывшій 18-лѣтнимъ подпоручикомъ, говорилъ много лѣтъ спустя, уже на склонѣ своихъ дней, что при одномъ воспоминаніи объ этихъ моментахъ своей молодости онъ чувствуетъ себя какъ бы перенесеннымъ «въ атмосферу яркаго свѣта».

И вотъ, какъ бы въ награду за такой патриотизмъ военное счастье улыбнулось молодой республикѣ. Революціонная армія мало-по-малу привыкла къ дисциплинѣ и привела въ изумленіе весь міръ. Прусская армія, взявшая Верденъ и двигавшаяся къ Парижу, потерпѣла неудачу у Вальми и принуждена была отступить къ границамъ Германіи. Именно

тогда Гете, находившійся въ германскомъ лагерѣ, сказалъ: «Съ нынѣшняго дня началась новая эпоха исторіи».

Оларъ утверждаетъ, что именно армія 1792 года содѣйствовала укрѣпленію, распространенію и объединенію республиканской идеи.

23 сентября 1792 года Конвентъ объявилъ Францію республикой. Комиссаръ Конвента Приеръ сдѣлалъ смотръ Арденской арміи, и произнесъ въ честь республики рѣчь. Всѣ армія криками привѣтствовала республику. Лишь нѣсколько офицеровъ ворчало и одинъ изъ нихъ заявилъ: «За кого же мы будемъ впредь сражаться?». Приеръ крикнулъ ему: «Вы сражаетесь за ваши очаги, за вашихъ женъ и дѣтей, за націю, за республику. Если же у васъ нѣтъ ни желанія, ни мужества защищать это благородное дѣло, удалитесь!» Офицеры остались и Арденская армія вполнѣ приняла республиканскія идеи. По свидѣтельству современниковъ, войска перешли отъ конституціоннаго строя къ республиканскому единогласно, съ быстротою горнаго погока. Если у начальниковъ и были колебанія, то рѣшимость солдатъ увлекла за собою и ихъ.

Республика, пишетъ Оларъ, появилась въ то время, когда непріятель, *побѣжденный*, отступалъ. Республика явилась для солдатъ олицетвореніемъ *побѣдоноснаго* патриотизма. Къ королю потеряли привязанность потому, что онъ не спасъ Франціи отъ вторженія непріятеля. Къ республикѣ почувствовали привязанность именно потому, что, едва родившись, она уже торжествовала надъ врагами и спасала Францію. Республика рѣшительно предстала всѣмъ какъ лучшее средство національной обороны, такъ какъ повсюду въ странѣ извѣстіе объ установленіи республики приходило вмѣстѣ съ побѣдными донесеніями съ фронта. Побѣда у Вальми и отступление пруссаковъ сдѣлала изъ французовъ республиканцевъ.

Размышляя о нашихъ русскихъ дѣлахъ, мы должны признаться, что для дѣла молодой русской республики также чрезвычайно важно, чтобы она явилась для народа символомъ побѣды, силы, могущества и единства. Если республика ассоціируется въ народномъ сознаніи съ пораженіемъ и умаленіемъ Россіи, съ распадомъ государства, дѣло республики будетъ у насъ непоправимо испорчено. Это необходимо помнить всѣмъ республиканцамъ. Для утвержденія у насъ республиканской идеи, необходимо, чтобы республика явилась у насъ въ ореолѣ побѣды и патриотизма. Для нея это вопросъ жизни или смерти.

А. Пойминовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Когда-нибудь, лѣтъ черезъ 35, мой сынъ, сидя въ вагонѣ, развернетъ томикъ, купленный въ дорогу, и прочтетъ жуткія и странныя слова о нашемъ времени, которое одни будутъ называть великимъ, другіе кровавымъ.

«Это было время,—прочтетъ онъ,—когда ежегодно на войнѣ убивалось болѣе двухъ милліоновъ людей, и нѣкоторыя страны за недостаткомъ химическихъ продуктовъ приготавливали ихъ изъ труповъ солдатъ; когда на мѣстѣ зеленыхъ холмовъ и мирныхъ селеній,

мимо которых вы проѣзжаете сейчас, зіяли впадины развороченной земли, смѣшанной съ обломками желѣза и трупами, и цѣлые города взлетали на воздухъ; когда не было ни хлѣба, ни одежды, ни угля, ни металловъ; когда долги земного шара превысили сотни миллиардовъ и золото, перетекая изъ страны въ страну, потеряло всякую силу и стоимость; когда зашатались троны и самый грандіозный изъ нихъ и кровавый рухнулъ первымъ; когда трибуны, взволновавъ народныя толпы, устремляли ихъ изъ фабрикъ во дворцы и тамъ отъ имени обездоленныхъ провозглашали принципы абсолютной свободы; это было время, когда каждому грозила на завтра смерть, и все же люди пережили и эту страшную годину, выйдя изъ нея очищенными, какъ металлъ изъ огня.

Въ подобныхъ словахъ представится наше время будущему свободному человѣку. И, можетъ быть, онъ, глядя въ окно комфортабельнаго вагона на мирныя поля, сады и селенья, вздохнетъ съ сожалѣніемъ, что самъ своими глазами не видѣлъ стальныхъ касокъ среди хаоса взрытой земли, ни клубовъ артиллерійскаго дыма, ни красныхъ знаменъ революціи, самъ своимъ сердцемъ не испыталъ гнѣва и ярости побѣдителей...

Не такъ ли и мы еще недавно упивались, читая Тьера, Мишлэ, Ламартина, въ 19 лѣтъ бредили Робеспьеромъ, и жаждали когда же и насъ осѣнитъ святой духъ революціи.

Историки често предупреждали насъ:

«...Правительство, вынужденное необходимостью, внезапно выпустило слишкомъ большое количество бумажныхъ денегъ. Это вызвало... замедленіе въ оборотахъ, паденіе торговли, забастовки рабочихъ, недоплату заработанныхъ денегъ, изнурительный трудъ рабочихъ... Землю обрабатывали дурно. Построекъ не предпринимали. Кареты и лошади исчезли. Жизнь ограничилась предѣлами крайней необходимости...» (Ламартинъ).

Они учили, что Революція лишь начинается сверженіемъ тираніи, дальнѣйшей ея ходъ есть рядъ послѣдовательныхъ народныхъ волнъ, сметающихъ одна другую. Свобода, равенство и братство, провозглашенные, какъ идеи, проникаютъ затѣмъ въ сознание народа страшнымъ путемъ развала, всеобщаго безпорядка, озлобленія, кровавыхъ несправедливостей. Съ высотъ философіи Революція падаетъ на площади и вотъ что получается:

«...Голодные, стоящіе у дверей булочныхъ; отсутствіе у народа всякаго занятія, кромѣ уличныхъ волненій; броженіе въ клубахъ; газетные листки, полные желчи; постоянные заговоры; переполненные тюрьмы; гильотина, возбуждавшая народъ къ требованію новой крови вмѣсто того, чтобы насытить его мщеніе: все это приводило населеніе Парижа въ трепетъ отъ ужаса, предшествующій крайнему умоизступленію...»

Въ странѣ (Франція), охваченной анархіей, одно несчастье слѣдовало за другимъ: возстаніе, пораженіе на границахъ, безсиліе власти, смертельная борьба въ самомъ Конвентѣ... «Коммуна подняла черное знамя на верхушкахъ соборныхъ башенъ. Театры закрылись. Били сборъ войскамъ, подобно набату, въ теченіе 24 часовъ кряду, во всѣхъ кварталахъ Парижа... И, наконецъ, возникаетъ тайный и страшный Комитетъ Народнаго Возстанія, во главѣ кото-

раго встаетъ Маратъ, требующій двѣсти тысячъ отрубленныхъ головъ...

Все это мы знали, конечно, и все же страстно хотѣли революціи и жертвовали всѣмъ во имя ея. Такъ почему же теперь, когда она пришла, мы съ ужасомъ слѣдимъ за ея смѣлыми и порывистыми движеніями? Почему повсюду только и слышно: «Россія объята анархіей, сто миллиардовъ государственнаго долга приведутъ насъ къ нищетѣ, государство распадется на составныя части и погибнетъ». Откуда такое малодушіе, или думаютъ, что наша революція должна быть сплошнымъ миллиономъ благъ, который сразу и *помимо нашей воли* свалится съ неба?

Но революція сама по себѣ не благо, а лишь плодоносящая болѣзнь. Подобно тому, какъ женщина носить 9 мѣсяцевъ и затѣмъ въ мукахъ рождаетъ, выбрасывая изъ себя рядомъ раздирающихъ схватокъ воду, кровь, ребенка и его покровы, такъ и страна въ мукѣ революціи порождаетъ жизнь-свободу и вмѣстѣ съ нею кровь и тлѣнь—ужасъ и зло.

Законъ рожденія для человѣка и для народа одинъ и тотъ же. Наблюдая чужую революцію, мы испытываемъ восторгъ. Переживая свою—корчимся въ мукахъ. Поэтому первая наша добродѣтель—должна быть мужество. Мы должны принять всю тяжесть времени, сдержатъ крикъ боли, если слишкомъ сильна мука, и твердо и увѣренно отдѣлать благо, рожденное революціей, отъ зла и тлѣнія, сопутствующаго ему—отдѣлать ребенка отъ крови и воды.

II.

Анархія. Это слово вы прочтете на столбцахъ всѣхъ газетъ, услышите на улицахъ, митингахъ, въ кофейныхъ—повсюду. Поутру оно прежде другихъ входитъ въ вашъ мозгъ, въ сердце, въ кровь. Россіи грозитъ анархія! Ея зловѣщіе признаки повсюду: возникновеніе маленькихъ республикъ на часъ, Кронштадтъ, ленинцы, дезертирство и братаніе, бунты въ войскахъ, паденіе рубля, загрязненіе городовъ и пр., и пр.

Всѣ эти событія прискорбны, съ ними нужно сурово и рѣшительно бороться, но нельзя, чтобы они заслонили отъ вашихъ глазъ идею революціи, а это именно такъ теперь и случилось: ужасъ анархіи сталъ всеобщимъ и подавляющимъ понятіемъ; во имя порядка, какъ будто начали забывать, что сейчасъ воплощаются въ жизнь великія, столѣтіями вынашиваемыя, идеи.

Сила и величіе революціи въ ея возвышенныхъ идеяхъ; горсточка революціонной молодежи больше полустолѣтія боролась съ россійскимъ самодержавіемъ и побѣдила его, потому что ее воодушевляли эти идеи. Вотъ почему страшно, когда сейчасъ слишкомъ яро начинаютъ призывать къ «порядку во что бы то ни стало», это такъ же страшно, какъ если бы докторъ, принимая роженицу, сталъ бороться съ родовыми схватками.

Анархія вообще есть распадненіе цѣлаго на составныя части и освобожденіе всѣхъ силъ, скрѣплявшихъ эти части въ цѣлый организмъ. Это процессъ естественный и природный: умираетъ организмъ, распадается на газъ, воду и прахъ, и опять изъ этихъ стихій составляется новая жизнь.

Такъ и революція разрушаетъ центральную монархическую власть, освобождаетъ всѣ ея духовныя силы, распыляетъ ихъ въ народномъ сознаніи и затѣмъ

вновь собираетъ въ новое цѣлое, въ свободный организмъ, республику.

Разгаръ анархіи былъ у насъ въ январѣ и февралѣ 1917 года. Россійская имперія представляла изъ себя ветхое, отслужившее срокъ, зданіе, всѣ своды котораго и скрѣпы истлѣли и проржавѣли. Достаточно было толчка, чтобы зданіе рухнуло до основанія. Первое марта и было этимъ толчкомъ. Затѣмъ началось стремительное освобожденіе всѣхъ силъ, собранныхъ въ центральной власти, и распыленіе ихъ по 180 миллионному народу. На это ушло три первыхъ мѣсяца. Это время сопровождалось (и сопровождается донинѣ) тѣми нежелательными и опасными явленіями, которыя невѣрно и преувеличенно обозвали анархіей. Сейчасъ уже начался процессъ третій и послѣдній—собиранія силъ, который и закончится Учредительнымъ Собраніемъ.

Но тогда, спросите вы, нужно мириться съ Кронштадской республикой, дезертиствомъ и прочее?

Нѣтъ, не мириться, а бороться и, быть можетъ, гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ сейчасъ, но бороться въ сознаніи и во всеоружіи свободы.

Въ сознаніи порядка наша дѣйствительность кажется намъ кошмаромъ и болѣзною. Въ сознаніи свободы все происходящее сейчасъ—закономѣрно, грозно и радостно, какъ рожденіе жизни.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВАГО ВОПРОСА.

Основной причиной той разрухи государственнаго и народнаго хозяйства, которую Россія теперь переживаетъ, слѣдуетъ считать, несомнѣнно, войну. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ по силамъ нашей бѣдной накопленными богатствами странъ такіе расходы, которые пришлось произвести на военныя нужды за эти три года? До 1 февраля текущаго года на расходы, вызываемые военными обстоятельствами, было ассигновано изъ государственнаго казначейства 26,6 миллиардовъ рублей. Къ концу года придется довести эту сумму до 45—46 миллиардовъ. Ежедневные расходы въ настоящее время перевалили за 50 миллионновъ и достигаютъ почти 60 миллионновъ, что составляетъ около 2½ миллионновъ въ часъ въ теченіе круглыхъ сутокъ.

Столь громадныя суммы приходится считать въ особенности непроизводительно затраченными, если основная цѣль этихъ расходовъ—веденіе войны—приостанавливается осуществленіемъ. Въ переживаемые революціонныя три съ половиной мѣсяца имѣло мѣсто именно такое противоестественное явленіе: Россія разоряется на содержаніе войска, которое не ведетъ войны. Но громадныя расходы государства, величину которыхъ объясняли при старомъ режимѣ нечестностью и жадностью неумѣлыхъ царскихъ слугъ, къ несчастью, послѣ сверженія стараго порядка не только не сократились, но даже возрасли. Отчасти естественное желаніе облегчить положеніе тѣхъ, кому до сей поры тяжело жилось, отчасти же использованіе момента и рабочими, и служащими, и различнаго рода общественными и государственными чиновниками,—все это подняло расходы, не увеличивъ, разумѣется, соотвѣтственно доходовъ государства. Расширеніе источниковъ полученія средствъ требуетъ

со стороны государства и времени, и техническаго приспособленія, и ряда благопріятныхъ политическихъ и другихъ условій. Осуществить эту задачу всегда очень трудно, а временами и просто невозможно.

Государство имѣетъ три способа получить новыя средства: налоги, займы и выпускъ кредитныхъ билетовъ. Налогами въ Россіи не соберешь, разумѣется, тѣ миллиарды, которыхъ требуетъ война. Налоги даютъ на веденіе войны сколько-нибудь серьезныя средства лишь въ богатой Англии. Но прежнее правительство русское не нашло въ себѣ ни рѣшимости, ни умѣнія поднять налоги даже въ тѣхъ размѣрахъ, которые нужны были для оплаты процентовъ по займамъ—внѣшнимъ и внутреннимъ, несмотря на то, что и въ 1915 и въ 1916 году страна была богата деньгами: и прибылями предпринимателей, и заработками рабочихъ, и доходами крестьянъ. Оставались займы и кредитные билеты. Около 12 миллиардовъ было занято внутри страны (данныя относятся къ началу марта 1917 г.), около 6—7 миллиардовъ дали займы за границей, около 8 миллиардовъ получено путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ. Стало быть, немного меньше третьей части всей суммы взято путемъ бумажныхъ денегъ, которыя получаютъ проще всего—съ помощью обмѣна векселей государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ на кредитные билеты.

Относительно кредитныхъ билетовъ наблюдается столь же характерное, сколь и печальное явленіе: размѣры выпуска ихъ все растутъ,—особенно съ конца прошлаго года. Вотъ цифры, подтверждающія это.

Выпущено кредитныхъ билетовъ:

За пять съ половиной мѣсяцевъ 1914 года	1397	милл.
» 12 мѣсяцевъ 1915 г.	2592	»
» 12 мѣсяцевъ 1916 г.	3475	»
» 5 мѣсяцевъ 1917 г.	3089	»
» мартъ—май 1917 г.	2736	»

Для большей наглядности приведемъ расчетъ по мѣсяцамъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ въ мѣсяць, въ среднемъ, составлялъ:

За время войны въ 1914 г.	254	милл.
Въ 1915 году	208	»
» 1916 »	289	»
» январь 1917 г.	343	»
» февраль	510	»
» мартъ	1031	»
» апрѣль	476	»
» маѣ	729	»

Изъ этой колонны цифръ ясно до очевидности, что въ послѣдніе мѣсяцы стараго режима приходилось усиленно напрягать печатный станокъ, такъ какъ не было кредита, и займы внутри страны не давали необходимой жатвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что послѣ революціи выпускъ кредитныхъ билетовъ пошелъ еще болѣе усиленнымъ темпомъ, нежели раньше. Произошло это, во-первыхъ, потому, что увеличились расходы, во-вторыхъ, потому, что и внѣшній, и внутренній кредитъ государства испытывали затрудненія, о причинахъ которыхъ сказано будетъ дальше.

Столь старательное снабженіе страны однимъ только товаромъ—бумажными деньгами—не могло не отразиться на ихъ расцѣнкѣ пагубнымъ образомъ,

въ противоположность судьбѣ цѣнъ на другіе предметы, которыхъ не хватало, курсъ рубля несомнѣнно упалъ. До войны было въ народномъ обращеніи кредитокъ всего на 1633 милл., а золота въ Государственномъ банкѣ, которое обезпечивало размѣнъ, находилось на 1744 милл. Теперь, на 8 іюня 1917 г. золота въ кассахъ государственнаго банка осталось всего на 1479 милл., а кредитокъ въ обращеніи стало на 12404 милл. Значить, золота раньше было больше, нежели бумажекъ, а теперь золото едва достигаетъ 12% количества кредитокъ. О возстановленіи размѣна нечего и мечтать въ теченіе долгихъ лѣтъ. Мы твердо стали на тернистый путь бумажной валюты.

Государственное хозяйство старой Россіи зашло въ тупикъ, и это понятно, почему. Какой кредитъ могло имѣть правительство, которому не вѣрили даже въ томъ, что оно желаетъ защитить родину отъ вторженія непріятелей? Какой кредитъ могла оказать власть, въ недолговѣчности которой никто не сомнѣвался? Вѣдь эта власть не имѣла опоры ни въ общественномъ мнѣніи страны, ни въ прессѣ, ни въ войскѣ, ни въ народѣ, ни въ имущихъ классахъ.

Но если это намъ всѣмъ было понятно, то трудно ли теперь догадаться относительно причинъ ухудшенія финансоваго положенія Россіи во время революціи? Къ глубокому несчастью, революція грозитъ стать хронической, безконечной, «перманентной», какъ говорили въ 1905 году, и притомъ приводящей не къ единенію, не къ сплоченности въ борьбѣ съ врагомъ, а къ позорному бездѣйствію на фронтѣ и не менѣе позорнымъ междоусобнымъ распрямъ классоваго характера внутри страны. Власть не чувствуетъ прочнаго фундамента подъ собой, ибо зыбь революціоннаго землетрясенія еще не прошла. Имущіе классы напуганы призракомъ анархическихъ дѣйствій въ области народнаго хозяйства. Земельная собственность на канунѣ отмѣны. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ осуществлена диктатура пролетаріата. Охраны имущества и личности нѣтъ. Правопорядокъ не только не сдѣлался идеальнымъ, каковымъ онъ долженъ былъ бы быть по писанью, но его просто не стало вовсе.

Откуда же вѣзяться довѣрію, на чемъ построить кредитъ? За границей союзники нашимъ поведеніемъ естественно... скажемъ: огорчены, а отъ ихъ «огорченія» падаютъ курсы нашего рубля и сокращаются кредиты намъ, такъ какъ кредитовать имѣлось въ виду вѣдь воюющую Россію. Внутренній кредитъ есть довѣріе, оказываемое правительству и государству со стороны капиталистовъ. Но въ настоящее время капиталисты горько жалуются, что ихъ прибыли исчезаютъ, что оборотнаго капитала у нихъ не хватаетъ и вмѣсто того, чтобы давать усиленно государству деньги въ долгъ, они сами ходатайствуютъ усерднѣйше о предоставленіи имъ ссудъ и расширеніи кредитовъ. При такихъ условіяхъ остается одно: печатать кредитные билеты.

Гдѣ же выходъ? Въ поискахъ его придумываютъ различные виды и формы займовъ: принудительный заемъ, выигрышные займы въ сотнѣ вариантовъ, лотереи,—ломаютъ головы въ многочисленныхъ за сѣданіяхъ о различныхъ хитроумныхъ способахъ улучшить финансовое положеніе страны. А рукавицы-то вѣдь за поясомъ! Прежде всего, надо сурово и рѣшительно прекратить потокъ и разграбленіе казны налетами, уносящими десятки и сотни милліо-

новъ. Пора ограничить повышеніе жалованій и заработной платы. Граждане, повѣрьте, что Россія не нашла еще Голконды. Россія разоряется и нищаетъ. Не время устраивать свое личное благополучіе, рано дѣлать шкуру неубитаго медвѣдя. Самоограниченіе—труднѣе всего. Но если его не примѣнить, то все остальное не поможетъ.

Во-вторыхъ, надо увеличить доходы государства. На первомъ мѣстѣ, пока надо по 50—60 милл. въ день, конечно, долженъ стоять кредитъ. Если желательнѣе имѣть внѣшній кредитъ, надо воевать. Если же не воевать, то надо распускать войска и тогда каждый день дастъ большую экономію. Внутренній кредитъ исправить удастся вовсе не финансовыми изворотами, а лишь ставши на путь твердой и рѣшительной политики подавленія анархіи и установленія подлинной демократической власти... не власти слова и красивыхъ лозунговъ, а власти суроваго требованія исполненія своего долга отъ cadaго и строгаго наказанія слушникамъ. Собственность и личность должны быть ограждены. Тогда государственный кредитъ воспринять самъ собой.

Значить, и финансоваго вопроса въ сущности нѣтъ, а есть только одинъ коренной вопросъ бытія Россіи, и это вопросъ политической—проблема организациі настоящей революціонной власти, проблема водворенія демократическаго порядка въ истерзанной страхами, измученной распрями странѣ. Война на границахъ, миръ—внутри государства. Такова формула исцѣленія Россіи и отъ финансоваго, и отъ экономическаго кризиса. Вѣдь финансовое искусство—не магія, и финансы не ариѳметика, а политика.

Проф. М. И. Фридманъ.

Петроградъ. 15 іюня 1917 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Революція, «углубленіе революціи» и контръ-революція.—«Отечество въ опасности».—Большевизмъ и созидательная работа.—Приближеніе къ социализму и «кадеты съ прибаутками».—Городская и земская реформа.

Наша внутренняя жизнь полна движенія и глубокихъ переживаній. Всюду мятется духъ живой. Одни на другія громоздятся событія. Бурный жизненный потокъ, прорвавъ преграды и плотины на своемъ пути, круша и ломая, пробиваетъ себѣ новое русло. Старое рушится, созидается новое. Зодчій—сама стихія. Все новое еще въ процессѣ образованія, оно хрупко, неустойчиво, оно также ломается и перестраивается. Въ двухъ направленіяхъ происходитъ этотъ внутренній сдвигъ; онъ крушитъ и созидаетъ. Революція разрушила устои стараго строя, но на развалинахъ стараго творческими силами народа организуется новая жизнь. Разрушительный процессъ еще продолжается. Бурныя волны не улеглись. Сметены старые устои, нѣтъ носителей старой власти, уничтожены сословныя дѣленія, привилегіи и ограниченія, не существуетъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ неравенствъ, палъ полицейскій деспотизмъ, гнетъ и произволъ. Это все смыто революціоннымъ потокомъ, но онъ идетъ дальше, захватываетъ все больше, колеблетъ жизненные основы государства. его единство, самый механизмъ организующей власти,

основы экономического строя. Революция переходит в анархию, она обезсиливает созидательный процесс, и в этом страшная опасность...

Всюду возникли новые общественные организации, исполнительные комитеты, советы разных классовых объединений. Эти организации находятся в процессе объединения между собой. Происходят съезды разных политических партий, которые намечают план организационной работы. В меру возможности при существующих условиях организующую роль играет и Временное Правительство. Это все явления творческо-созидательного характера. Но рядом с этим, хроника нашей внутренней жизни полна фактов всяческого распада и распыления. То тут, то там происходят «захваты власти», возникают разные местные «республики». Всюду самоуправство и самосудь. Происходят захваты земель, лесов, домов, фабрик, разгромы имений. Овладеваются типографии газет, отрицается свобода слова, свобода мнений. В войсках—неповиновение, крушение воинской дисциплины, самовольное смещение командного состава, отказ от выступления, дезертирство, бегство из посылаемых на фронт маршевых рот. За Кронштадтскими событиями следуют севастопольские события. Украинское движение угрожает отпадением целой области. В Петроград, у источника власти происходят явления дезорганизующего характера, вооруженная демонстрация против Временного Правительства, неповиновение законным распоряжениям.

Обновленная Россия получила от старой власти жестокое наследие: пустую денежную кассу, полную разруху продовольственного дела, транспорта, дороговизну, затруднения в промышленном деле, а вместе с тем и народную темноту, социальную ненависть и отсутствие в народе сознания национального единства. Старая власть все это искусственно насаждала и взращивала. При таких условиях дело общественного и государственного устройства встречает громадные трудности и преграды, наоборот разрушительный процесс обильно питается и находит всюду горючий материал. Недовольствие и неуверенность в завтрашнем дне подрывают финансовые ресурсы, тормозят организацию продовольственного дела. Безостановочно повышающиеся требования рабочих только увеличивают дороговизну, останавливают производство, удорожают сырье, топливо. Все эти явления не того порядка, чтобы они могли ввести жизнь в нормальное русло, чтобы созидательная работа могла развиваться.

А одновременно с этим идет проповедь, что разрушительный процесс должен продолжаться, что это есть продолжение революции, ее углубление и расширение, и что, наоборот, противодействие захватам и развалу, призыв к строительству, к творческой работе — «контр-революция»...

Тем, кто себя считает ответственным за все происходящее, не закрывают глаза на страшные опасности, таящиеся в этом потоке разрушений. Они уже сказали, что «отечество в опасности», а захватчиков и прочих дезорганизаторов власти объявили «врагами революции», создателями «контр-революции», приближающими страну к реакции и губящими дело свободы.

На продовольственном съезде в Москве в мае месяца нынешней министр финансов А. И. Шинга-

ревь нарисовал печальную картину хозяйственного положения страны и указал на причину: «революция не перешла еще взамен разрухи в процесс созидания».

«На местах либо нет людей, либо люди занимают споры, арестовывают друг друга, внося в общее дело путаницу и разложение. В Донской области—та же картина..»

Страна приходит в распыленное состояние, надвигается грозная хозяйственная разруха. Во многих местах она уже разразилась, теперь в полном ходу. Государственная касса пуста. Налоги население не платит, «заем свободы» идет слабо, в некоторых местах вовсе не идет. На очереди—новое грозное состояние государственных финансов, с возможностью временного сокращения или прекращения платежей. Идет промышленная разруха. Люди спорят о словах, о мелочах, забывая, что родина в продовольственном, денежном и организационном отношении—на краю величайшей опасности. Дело свободы может быть погублено в хозяйственной разрухе, в полной анархии, в финансовом разстройстве, в голоде.

Бьда в том, что революция не перешла еще взамен разрухи в процесс созидания. Хозяйственная разруха продолжается, опасность усиливается, так как в стране нет элементов организованной власти. Прифетственные телеграммы Временному Правительству—только слова, суровая действительность показывает, что на местах нет рычагов управления».

«Отечество в опасности» и опасность эта в дьящемся разрушении—тема всех выступлений министров-социалистов. «Если разрушение в народ окажется сильнее созидания погибнет здание новой России», сказал министр В. М. Чернов на съезде партии с. р. На происходившем съезде представителей советов рабочих и солдатских депутатов об этом говорили И. Г. Церетелли, А. Ф. Керенский, В. М. Чернов. Социалист И. Г. Церетелли говорил о необходимости «ликвидировать эксперименты, опасные для судеб революции, эксперименты отпадения и открытого выступления против власти эксперименты, грозящие гражданской войной,—иначе, власть не справится с возложенными на нее задачами, и все будет сметено развалом революции». «Вы предлагаете,—говорит А. Ф. Керенский, обращаясь к «большевикам» на съезде,—путь дальнейшего разрушения и развала. Вы знаете, каковы будут результаты этого пути... Разрушением власти вы открываете двери диктатору, который воцарится над Россией. Не повторяйте ошибок истории, не идите по пути, который привел к реакции». В. М. Чернов указал, на явления ведущие к развалу и разрухе русской революции в области хозяйственно-экономической, аграрной и политической,—республики кронштадтские, царицинские, кирсановские, хозяйничанье Хрусталева-Носаря в Переяславском уезде, земельные захваты в разных концах России.

Путь «углубления революции», путь «большевизма» и «максимализма» ведет к ее развалу, путь созидательной работы укрепляет ее завоевания.

Во имя чего, в каких целях желают длить этот разрушительный процесс? В целях, якобы приближения к социализму. Но, в захватах нет ничего социалистического. Да, и социализм может

наступитъ не по щучьему велѣнію, онъ требуетъ для его осуществленія многообразныхъ условій, которыя стоятъ внѣ воли людей, которыя подготавливаются всѣмъ ходомъ соціальноэкономическаго развитія. Попытки насадить социализмъ тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому надлежашихъ экономическихъ и культурныхъ условій А. Ф. Керенскій удачно назвалъ «бунтомъ противъ законовъ экономическаго развитія». Онъ безсмысленъ, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, а между тѣмъ такой «бунтъ» можетъ обойтись очень дорого всей странѣ, онъ можетъ окончиться полнымъ крушеніемъ всей ея производительной жизни. Ни одна политическая партія, кромѣ большевиковъ, и не ведетъ къ такому «бунту». Ни въ программѣ-минимумѣ с. д., которую проводятъ меньшевики, ни въ программахъ с. р., н. с., трудовой группы нѣтъ призывовъ къ указанному «бунту противъ законовъ экономическаго развитія», къ осуществленію въ настоящій моментъ при существующихъ условіяхъ социализма. И становится непонятнымъ, почему же все-таки такая рознь и непримиримая борьба между социалистами и несоціалистической демократіей, которая теперь ведется по всей линіи. Различій въ стремленіяхъ, которыя бы такъ обособляли эти двѣ борющіяся группы, нѣтъ. Это социалисты не нынѣшняго дня. Ихъ большевистская «Правда» называетъ даже «кадетами съ социалистическими прибаутками». Социализмъ ихъ—пока только украшеніе, декорация. Изъ-за чего же борьба, сопровождающаяся разжиганіемъ классовой ненависти, зачѣмъ призывы къ классовому захвату власти, а не къ сотрудничеству классовъ, къ взаимному пониманію нуждъ?

Но, жизнь идетъ... Страна еще полна жизненныхъ силъ. Ей присущъ инстинктъ самосохраненія. Среди разрушеній пробиваются ростки новой жизни. Процессъ созиданія, творческой работы не остановился. Въ настоящій моментъ перестраиваются города и земства на широкихъ демократическихъ началахъ. Къ устройству мѣстной жизни привлекаются широкіе слои населенія. Закладывается фундаментъ новаго зданія общественнаго самоуправленія—организуется волостное земство. Осуществленіе этихъ реформъ произведетъ полную перестройку русской жизни на новыхъ началахъ свободы и народоправія. Въ этомъ—дѣло укрѣпленія русской революціи, воплощенія провозглашенныхъ ею лозунговъ въ жизнь. Это великое созидательное дѣло, отъ успѣховъ котораго зависятъ всѣ судьбы страны, а путь разрушеній и захватовъ—путь, ведущій къ «контръ-революціи»...

18 іюня русскія войска на галиційскомъ фронтѣ перешли въ наступленіе и одержали побѣду. Извѣстіе объ этомъ всколыхнуло всю Россію. Армія сознала свой долгъ защищать родину. Она стряхнула съ себя путы, святивавшія ее, освободилась отъ разлагающаго вліянія, какое оказывали на нее большевистскіе призывы къ братанію съ врагомъ, къ неповиновенію долгу, къ участію во внутренней междоусобной борьбѣ. Армія одержала побѣду и надъ внѣшнимъ врагомъ, и надъ этой разрушительной проповѣдью. Она оказалась съ тѣми, кто призывалъ ее къ выполненію долга передъ родиной во имя защиты дѣла свободы.

Что бы ни было въ дальнѣйшемъ, какія бы еще жертвы и испытанія ни пришлось переносить обновленной Россіи въ борьбѣ за свою свободу, «18 іюня» станетъ знаменательной датой въ ея исторіи. Опас-

ность внутренняго распада, анархіи, кровавыхъ междоусобій, которыя неизбѣжно привели бы страну къ потерѣ всѣхъ революціонныхъ завоеваній, къ крушенію всѣхъ надеждъ, а можетъ быть и къ гибели, теперь предупреждена. Вооруженная сила не на сторонѣ разрушительныхъ теченій. Созидательная работа творческихъ силъ страны не будетъ разрушаться анархіей, ростки новой жизни не будутъ погублены. Анархія обезсилена отпадомъ отъ нея вооруженной силы, какъ оказался безсильнымъ старый строй въ борьбѣ съ революціей, когда онъ лишился опоры въ войскахъ.

И хроника внутренней жизни даетъ тому доказательство. Въ ней замѣчается «переломъ». Всюду наступленіе встрѣтило живой откликъ и влило бодрость и силы. Разрушительная проповѣдь явно пошла на ущербъ. Эксцессы, выступленія и разные «захваты» анархистовъ ликвидируются. Революціонное правительство заговорило властнымъ языкомъ. Получили свободу дѣйствія здоровые элементы общественности. Пока мы только при первыхъ проявленіяхъ происшедшаго сдвига. Пока только начало перемѣны, которая въ дальнѣйшемъ дастъ осязательные результаты. Но надо приложить всѣ силы, чтобы закрѣпить эту новую «побѣду революціи», защитить и обезвредить ее отъ новыхъ посягательствъ темныхъ силъ. Отъ этого зависить все наше будущее.

Н. Іорданскій.

НАСТУПЛЕНИЕ.

На скверномъ ломаномъ русскомъ языкѣ изо дня въ день «интернаціоналисты» пишутъ въ свсихъ газеткахъ о томъ, что войну ведутъ капиталисты, что война это «захватническая, грабительская», и потому надо бросить оружіе и брататься съ нѣмцами. Страшно и трудно въ окопахъ; нелегко стоять по поясъ въ водѣ подъ пулеметнымъ огнемъ; нелегко убивать врага: и не то странно, что нашлось немало слабыхъ и малодушныхъ, которые повторяютъ за «интернаціоналистами» покорно и тупо: «война грабительская, война захватническая», а то загадочно и удивительно, что, несмотря на обманъ и соблазнъ, наши солдаты начали наступленіе, и явили себя твердыми, вѣрными и мужественными. Никто не знаетъ, что будетъ завтра, пойдутъ ли товарищи выручать нашихъ героевъ, на которыхъ напираютъ теперь нѣмцы, или опять восторжествуютъ на срокъ обманщики и клеветники. Но то, что сдѣлано, сдѣлано. Подвигъ есть подвигъ и жертва есть жертва.

Во имя чего она принесена? Неужели въ самомъ дѣлѣ люди умирали, потому что хотѣла того буржуазія?

Правда, что война есть великое зло; правда, что война возможна, потому что живемъ всѣ мы пока въ государствахъ, которыя ревниво соперничаютъ на міровомъ рынкѣ; правда, что побѣда сулитъ намъ вовсе не рай земной, а тяжелую борьбу за новую жизнь: все это правда, но есть и другая правда. И объ этой правдѣ нельзя молчать. И какъ ни слабъ нашъ голосъ, мы всѣ, сознающіе эту правду, должны заявить о ней, напомнить о ней народу.

Великая правда въ томъ, что войну эту ведутъ народы, а не правительства. И народы не могутъ не

вести этой войны, потому что война эта *революционная*. Наша война *революционная*, подобно великимъ революционнымъ войнамъ 1793—1795 годовъ, когда Французская республика боролась побѣдоносно противъ монархической реакціонной Европы. Наша война *революционная*, потому что мы ведемъ ее противъ единственной страны въ Европѣ, гдѣ еще нѣтъ отвѣтственнаго правительства—противъ Германіи императорской, противъ прусскихъ аграріевъ.

Тѣ интернаціоналисты, которые соблазняютъ сейчасъ народъ социальной революціей, не могутъ не знать, что пока въ Европѣ не восторжествуетъ политическая свобода и начало демократическое, о социальной революціи и мечтать нельзя. Пруссія наступила своимъ тяжелымъ сапогомъ на грудь изнемогающей Бельгіи, отняла у Россіи восемнадцать губерній, разорила сѣверъ Франціи во имя славы и могущества Германской Имперіи, а мы, закрывъ на это глаза, будемъ увѣрять себя и другихъ, что надо мириться съ Вильгельмомъ, потому что англійскіе купцы хотятъ разгрома Германіи?

Только дураки могутъ думать, что англійскіе купцы опаснѣе для насъ, чѣмъ нѣмецкіе бароны и вождь ихъ Гогенцоллернъ.

И англійскіе рабочіе прекрасно понимаютъ, что если *завтра* имъ будетъ не по пути съ буржуазіей, то *сегодня* приходится вмѣстѣ съ этимъ самымъ буржуаитти въ окопы и драться съ нѣмцами за свободу Европы и за свободу нѣмецкаго народа, одурѣвшаго отъ прусской военщины и побѣдъ Гинденбурга.

Говорятъ, что революція еще не кончилась. Да, это не ложно. Та революція, которая началась въ Европѣ въ іюль мѣсяцѣ 1914 года, еще не кончилась. Она кончится побѣдоносно тогда, когда Гогенцоллернъ покинетъ свой тронъ, какъ покинулъ его Романовъ. А пока прусскій король мечтаетъ править міромъ, народы не свернутъ своихъ красныхъ знаменъ и будутъ защищать свободу и честь Европы.

Борисъ Кремневъ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Великія революціи новѣйшаго времени имѣютъ стремленіе переступить народныя границы, становиться международными. Если международна была великая французская революція, если отзвукъ 1848 года прокатился по всей Европѣ, то тѣмъ болѣе международный характеръ должна имѣть русская революція, эпоха которой совпала съ величайшимъ кризисомъ всей европейской культуры. Каковы будутъ всѣ международныя послѣдствія нашей революціи—объ этомъ скажетъ исторія, но нѣкоторыя изъ нихъ видны уже и теперь.

Нельзя отрицать уже совершившагося вліянія русской революціи на внутреннюю судьбу европейскихъ народовъ. Русская революція колеблетъ троны тамъ, гдѣ они были некрѣпки. Въ Испаніи растетъ революціонное и республиканское движеніе, политической вопросъ въ Австріи, повидимому, все болѣе и болѣе обостряется. Въ австрійскомъ парламентѣ происходятъ бурныя сцены и ясно намѣчается антигерманское теченіе. Австрійское правительство не прочь освободиться изъ подъ власти кулака Вильгельма и даже вступить съ союзниками въ переговоры о сепаратномъ мирѣ. Повидимому, какъ говорятъ

газеты, съ Австріей солидарна и Баварія, которая всегда была центромъ оппозиціи противъ прусскаго владычества. Но германскій престоль стоитъ еще крѣпко и нѣтъ надежды на его крушеніе. «Въ общемъ», сказалъ одному стокгольмскому корреспонденту Эдуардъ Бернштейнъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ вождей нѣмецкаго меньшинства и человекъ безупречной честности, «я крайне пессимистически отношусь къ обновленію государственнаго строя Германіи... Мы можемъ, правда, ожидать реформъ избирательнаго права Пруссіи въ смыслѣ улучшенія этого права и другихъ мелкихъ реформъ въ этой области. Я не смѣю, однако, надѣяться на введеніе всеобщаго, тайнаго и прямого избирательнаго права... Еще меньше можно ожидать демократизаціи Германіи». Подобное же мнѣніе высказалъ и Боргбьеръ: «Можно съ увѣренностью сказать, что во время войны революціи не произойдетъ... Русскіе не должны думать, что въ Западной Европѣ возможна такая же революція, какъ и у нихъ». Словомъ, троны стоятъ крѣпко тамъ, гдѣ они и стояли крѣпко. Нѣкоторое оживленіе реформаторской дѣятельности замѣчается и въ Англии, но вопросъ о судьбахъ англійской монархіи можетъ серьезно ставиться развѣ только въ кругахъ обитателей особняка Кшесинской. Еще менѣе значительное вліяніе оказываетъ русскій переворотъ на социальныя отношенія западно-европейскихъ странъ. Западная Европа и, тѣмъ болѣе, Америка не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ приближающейся міровой социальной катастрофы. Однако нельзя отрицать, что интернаціоналистически настроенныя революціонныя партіи возвысили свои голоса во всѣхъ странахъ, но этотъ голосъ показалъ, что разрушенный войной интернаціональ не представляетъ еще значительной революціонной силы. Интернаціоналисты—вездѣ въ меньшинствѣ, и общій интернаціоналистическій уклонъ русскаго социализма не встрѣчаетъ отклика ни въ Германіи, ни у союзниковъ. Даже болѣе, его встрѣчаютъ холодно, иногда враждебно, какъ англійскіе моряки, отказавшіеся везти Макдональда. Последняя недѣля принесла намъ нѣкоторыя извѣстія о взглядахъ на условія мира германскихъ интернаціоналистовъ—меньшинства нѣмецкихъ социаль-демократовъ. При всей скудости свѣдѣній, все же чувствуется, что «меньшинство» не настроено имперіалистически и съ нимъ могутъ столкнуться союзники. Оно готово, повидимому, отказаться отъ колоній, рѣшить поголовнымъ голосованіемъ судьбу Эльзаса и Лотарингіи, признать право Бельгіи на возмѣщеніе убытковъ со стороны Германіи и даже вообще поставить вопросъ о виновникахъ войны. Къ сожалѣнію—это только меньшинство. Та глубокая конспирація, которой обставлено опубликованіе этихъ условій, убѣждаетъ, насколько меньшинство лишено еще поддержки въ широкихъ кругахъ германскаго народа.

Русскій интернаціонализмъ создалъ ту тревожную международную атмосферу, которая овладѣла Европой въ теченіе послѣднихъ недѣль. Говорили объ охлажденіи союзниковъ къ Россіи и въ связи съ этимъ передавали массу иногда вздорныхъ и неprovѣренныхъ слуховъ. Не разбираясь во всѣхъ нихъ, остановимся на безпристрастной характеристикѣ вновь создаваемаго международнаго положенія. Все говоритъ за то, что Америка рѣшила оказать самую серьезную помощь союзникамъ. По экономической, финансовой и технической силѣ своей Америка безконечно пре-

восходитъ Россію. Не уступаетъ она Россіи и численными составомъ своихъ будущихъ армій. Весьма превосходить она насъ въ талантѣ организациі. При такихъ условіяхъ у союзныхъ націй возникаетъ возможность покончить войну и безъ насъ, пользуясь помощью Америки. Нельзя не учесть при этомъ, что до извѣстной степени союзникамъ развязываетъ руки и выступленіе Греціи на сторонѣ державъ согласія. Такое положеніе дѣла для Россіи едва ли можно признать благоприятнымъ. Нѣтъ болѣе тяжелаго положенія, чѣмъ тянуться на чужомъ поводу, какъ ненужный грузъ, который неспособенъ ни къ какому активному дѣйствию. Мы были бы такимъ грузомъ, если бы не показали Европѣ новую силу своей военной мощи, силу нашего натиска и сопротивления. Въ день 18-го іюня это свершилось. Газеты уже говорили, что этотъ день есть день поворота—и не только поворота для насъ, но и, будемъ надѣяться, поворота международнаго. Русскій военный «антрактъ», какъ острили французы, кончился, мы снова являемся дѣйствующимъ лицомъ разыгрывающейся европейской драмы; гдѣ-то вдали свѣтитъ ея конецъ. Скорѣе же къ честному концу, къ миру черезъ побѣду!

Что же дѣлають наши враги? Съ необыкновенной энергіей стараются использовать они всѣ средства борьбы, не гнушаясь ничѣмъ. Братанье, подкупъ, шпіонажъ, ловкая дипломатическая игра на простодушіе русскаго народа—все пускается въ ходъ. Дѣло Гримма, высланнаго изъ Россіи, убѣждаетъ насъ, насколько использованы германцами въ своихъ цѣляхъ и нейтральныя страны и международный социализмъ. Эта германская игра заклеимена слѣдующими словами нашего славнаго военнаго министра: «Въ отвѣтъ на призывъ къ братству противникъ позвалъ насъ къ измѣнѣ: австро-германцы предложили Россіи сепаратный миръ и, пытаясь усыпить нашу бдительность братаніемъ, бросили свои силы на нашихъ союзниковъ, въ расчетѣ, разбивъ ихъ, расправиться и съ нами».

Международное положеніе остается и понынѣ темнымъ. Относительно оно прояснилось съ нашимъ наступленіемъ, новыя международныя затрудненія какъ будто устранены. Но гдѣ выходъ изъ тупика, въ который попала Европа? Попрежнему мы идемъ въ темную даль. Будемъ вѣрить: великія событія имѣють великій и часто неожиданный конецъ. Быть можетъ, конецъ этотъ много ближе, чѣмъ мы думаемъ.

Н. Н.

СРЕДИ КНИГЪ.

Брошюра исключительно заполнила книжный рынокъ. Новыя книги не издаются, новыя брошюры издаются массами. И, тѣмъ не менѣе, многіе современные вопросы не нашли еще въ новыхъ брошюрахъ достаточнаго освѣщенія и истинно-научной популяризации.

Главное вниманіе въ современной жизни привлекаетъ безусловно социализмъ и социальный вопросъ, однако, если не считать партійныхъ программъ,

брошюрная литература, посвященная социализму, весьма небогата и, главное, не блещетъ достоинствами. Передъ нами рядъ брошюръ этого рода. Лучшей изъ нихъ нужно безусловно считать брошюру *Н. Рожкова, Капитализмъ и социализмъ*. Вопросы программы и тактики социаль-демократіи, Москва, 1917. Читатель найдетъ здѣсь популярное и толковое изложеніе основныхъ воззрѣній Маркса на капиталистическій строй, его основные моменты и его развитіе. На ряду съ этимъ авторъ довольно подробно характеризуетъ и будущее социалистическое общество въ его основныхъ моментахъ. Особенно цѣннымъ должно быть признано стремленіе автора утвердить взглядъ на социализмъ, какъ на хозяйственную организацию великой интенсивности и мощности. «Общество будущаго», по мнѣнію автора, «будетъ необычайно богато, такъ какъ у него будутъ превосходныя машины и улучшенные способы производства». Эта мысль является лучшимъ орудіемъ противъ того кустарнаго социализма, который хочетъ построить новыя общества не на постепенномъ развитіи производительныхъ силъ, а на современной русской нищетѣ. Въ гармоніи съ изложенными воззрѣніями находятся цѣнныя слова автора, которыя слѣдуетъ запомнить многимъ нашимъ социалистамъ: «И прежде всего надо знать и твердо помнить, что социализмъ можетъ быть установленъ въ первую очередь въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ, каковы Англія, Германія, Соединенные Штаты, Франція: тамъ онъ болѣе подготовленъ жизнью, чѣмъ въ остальныхъ странахъ, какъ, на примѣръ, въ Россіи» (стр. 46—47). По мнѣнію автора, «и въ передовыхъ странахъ социалистическая революція не можетъ быть произведена сразу, однимъ закономъ *Введеніе социализма... требуетъ... обдуманнаго и осторожнаго строительства новаго по частямъ*» (47). Этотъ эволюціонный взглядъ на социализмъ, столь общепринятый на Западѣ, является лучшимъ опроверженіемъ нашего большевизма.

Брошюра Н. Рожкова можетъ быть смѣло рекомендована съ точки зрѣнія требованій научности, хотя читатель долженъ помнить, что авторъ даетъ исключительно *марксистское* обоснованіе социализму. Существуютъ и другія теоріи, лежащія въ основаніи социалистическихъ ученій, и для безпристрастнаго взгляда нужно познакомиться и съ ними. Изъ научныхъ недочетовъ брошюры мы должны отмѣтить нѣкоторую неясность въ обоснованіи идеи социальной революціи, которая поистинѣ излишня въ томъ случаѣ, если капиталистическое хозяйство само когда-нибудь прійдетъ въ разстройство (стр. 31). Излишня здѣсь, пожалуй, и диктатура пролетаріата (стр. 31—32). Неясно, почему пролетаріатъ «не тронетъ собственности ремесленниковъ и крестьянъ» (стр. 33). По Марксу, въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ имъ нѣтъ мѣста. Повидимому, авторъ въ ущербъ объективности изложенія, отдаетъ здѣсь дань современной русской дѣйствительности.

Народоправецъ.